

Сбежавшая жена босса. Развода не будет!

Автор:

[Вероника Лесневская](#)

Сбежавшая жена босса. Развода не будет!

Вероника Лесневская

Роковые подмены #5

– Нас расписали по ошибке! Перепутали меня с вашей невестой. Раз уж мы все выяснили, то давайте мирно разойдемся. Позовем кого-нибудь из сотрудников ЗАГСа. Они быстренько оформят развод, расторгнут контракт и... – Исключено, – он гаркает так, что я вздрагиваю и вся покрываюсь мелкими мурашками. Выдерживает паузу, размышляя о чем-то. – В нашей семье это не принято. Развода не будет! – А что... будет? – лепечу настороженно. – Останешься моей женой, – улыбается одним уголком губ. И я не понимаю, шутит он или серьезно. Зачем ему я? – Будешь жить со мной. Родишь мне наследника. Может, двух. А дальше посмотрим.

Мы виделись всего один раз – на собственной свадьбе, которая не должна была состояться. Я сбежала, чтобы найти способ избавиться от штампа в паспорте. А нашла новую работу – няней для одной несносной малышки. Я надеялась скрыться в чужом доме, но угодила прямо к своему законному мужу. Босс даже не узнал меня и все еще ищет сбежавшую жену.

Вероника Лесневская

Сбежавшая жена босса. Развода не будет!

Глава 1

Валерия

- Аферистка!

В потоке холодных стальных ноток, что буквально вонзаются мне в спину, я с трудом различаю некогда родной голос.

- Павлик, ты что? – оглядываюсь, придерживая корсет руками.

Стася, вжившись в роль подружки невесты, все это время заботливо завязывала мне шнуровку. Но при виде разъяренного жениха, она дергает ленты на себя, наспех делает узел и с фразой: «Маму Свету позову», – убегает прочь.

- Это что? – в лицо летит мой паспорт. Каким-то чудом перехватываю его и прижимаю к груди.

- Что? – взмахиваю пышными ресницами, подчеркнутыми тушью.

Долго я боролась, чтобы мне не переусердствовали с макияжем. И все же получилось ярко. Неузнаваемо. Даже черные кудряшки парикмахер выпрямил, иначе они в прическу не собирались.

Но Стася сказала, что мне так только лучше. И вообще я сегодня сама на себя не похожа. «Слишком красивая», как она выразилась. Вот только Павлик не оценил.

- Дуру из себя не строй, – пугает меня злобным рычанием. А сам красный, как вареный рак, взъерошенный. И руки трясутся. – Открой и объясни, что это, мошенница!

Страшно. И ничего не понятно.

Но я слушаюсь. Влажными пальцами скольжу по обложке паспорта, оставляю следы на страницах.

- Мой документ, – пожимаю оголенными плечами. – Ничего необыч...

Проглатываю окончание фразы и давлюсь им, срываясь в надрывный кашель. В глазах резь, будто песка насыпали. Сквозь туман продолжаю всматриваться в новую пометку.

В графе «Семейное положение» красуется штамп. До официальной церемонии бракосочетания поставили? Но в строчке, где должен быть указан муж, почему-то... не Павлик.

– Туманов Альберт Ильич, – проговариваю пересохшими от волнения губами. Невольно цепляюсь за год его рождения, судорожно возраст считаю и обреченно выдыхаю: – Почему меня расписали... со стариком! Я его даже не знаю!

Поднимаю растерянный взгляд на жениха, жду поддержки. В глазах слезы обиды стоят. Павлик ведь все решит? Исправит это недоразумение?

Не отдаст меня никому. Конечно, нет! Мы же любим друг друга, и...

– У меня проблемы теперь с Тумановыми из-за тебя, брачная аферистка! – сыплет оскорблениями, а я совершенно ничего не понимаю. – Решила подставить меня? Или сразу нас обоих облапошить? Сотрудники ЗАГСа в деле? Хотела бизнес наш отжать, но нашла рыбу крупнее?

По поводу бизнеса, конечно, громко сказано. Отцу Павла принадлежит небольшая типография на окраине. Но деньги никогда не имели для меня особой ценности. Чувства важнее.

– Да что ты говоришь такое? Я ведь контракт брачный подписала, что мне сотрудница ЗАГСа от тебя принесла, – бросаю с обидой. – Не спорила, ведь тебе полностью доверяю. На все согласна, а ты... – всхлипываю, не выдержав.

– К-какой контракт? – заикаясь, дергает себя за галстук.

И делает резкий выпад в мою сторону. Не успеваю отскочить, как он хватает меня за плечи.

Рывок – и меня встряхивает так, что одна из заколок слетает, освобождая тяжелую от лака смоляную прядь, которая падает на лицо. Сдуваю ее, но она,

чуть поднявшись, тут же возвращается.

- Ты что натворила? - тонкие пальцы так грубо в кожу впиваются, что синяки наверняка оставят. Любимое лицо искажено гневом. Первобытным и неконтролируемым.

- Мамочки, - пишу я и зажмуриваюсь.

Мысленно отсчитываю последние секунды моей жизни. Павел страшен в ярости. И меня не пожалеет.

- Руки убери, щенок, от моей жены, - бьет откуда-то сверху, будто раскат грома.

Хватка тут же ослабевает, а следом грубые руки и вовсе исчезают с моего тела.

Но гнетущее чувство надвигающейся опасности становится лишь сильнее. Воздух вокруг наэлектризован, словно грядет гроза.

Широко распахиваю глаза и выглядываю из-за спины Павла на мощную фигуру в костюме, что перекрыла дверной проем.

Незнакомый темноволосый мужчина пристально изучает нас.

Поза расслабленная, несмотря на неоднозначную ситуацию, руки в карманах брюк. Пиджак расстегнут, как и верхние пуговицы рубашки. Никаких галстуков или бабочек. Этот человек не привык ограничивать свою свободу и ценит комфорт.

- Законной жены, - уточняет он с явным недовольством в тоне.

Медленно окидывает меня непроницаемым взглядом, а в глазах будто густая нефть переливается. Осматривает приталенное свадебное платье, задерживается на корсете, вынудив меня инстинктивно обхватить себя руками. Скользит по ключицам и шее, на которой сбилась тонкая цепочка с круглой подвеской.

Останавливается на моем растерянном лице и замирает, обращаясь в каменную глыбу.

– Мда уж, – прямой ровный нос морщится, а глаза сужаются с пренебрежением. – Тебе восемнадцать хоть есть? Или по залету? – кивает на Павлика. Кривится сильнее.

На себя бы посмотрел, старик! Хотя, справедливости ради, он довольно неплохо выглядит для своих... сколько лет я ему насчитала? Тридцать четыре?

Божечки!

Подтянутый, высокий, одет с благородным лоском, мужчина выигрывает рядом с худым Павликом. Но не становится при этом менее грозным и устрашающим. Наоборот.

– Нет, я ее и не трогал даже, – открещивается от меня жених. – Так что если там еще и залет, то точно не мой, – отходит к дальнему углу комнаты невесты. – И вообще все это чудовищная ошибка. Я такая же жертва мошенничества, как и вы, Альберт Ильич, – заканчивает подобострастно.

Не выдержав, стреляю в него злым взглядом. Может, и хорошо, что не успели расписаться?

– Я не с тобой разговариваю, щенок, – рявкает Альберт на Павла, а подпрыгиваю на месте я. – Выведите его отсюда и передайте полиции, – приказывает охране. – Пусть допросят. А с этой... я сам.

Дождется, пока мы останемся наедине и закрывает дверь.

Забываю, как дышать. Да и лишнее это, потому что небольшая комната невесты мгновенно заполняется чужим мужским запахом, гипнотизирующим и покоряющим. Мой легкий сладковатый кокос не в силах противостоять ему. Забивается мигом и смешивается с горьковатыми цитрусами.

– Ну, отвечай, – ровно приказывает.

– Мне девятнадцать... Исполнилось месяц назад. Правда, – паспортом перед собой взмахиваю в подтверждение.

Туманов молча выставляет руку, и я понимаю его жест без слов. Ему не надо орать или угрожать мне, трясти, как Павлик. Я и так боюсь. Он подчиняет одной энергетикой, тяжелой и властной.

И я, словно пребывая под гипнозом, вкладываю документ в его раскрытую ладонь.

Пролистав его, Альберт мрачнеет, выдыхает со звериным рычанием. И сам кажется мне огромным и опасным, как черный бойцовый волкодав. Вот только команду «фас» здесь подают не ему, а он.

Хмыкнув, прячет мой паспорт во внутренний карман пиджака. Но я не рискую ему перечить.

– Что скажешь в свое оправдание, – приближается вплотную, нависает надо мной с высоты своего роста. Чувствую себя букашкой.

Запрокидываю голову, чтобы посмотреть на мужчину снизу вверх. И его лицо оказывается напротив моего. Бесстыдно изучаю жесткие черты.

– Для своего возраста вы неплохо сохранились, – выпаливаю, нервно сглотнув.

В нефтяных глазах загорается огонек интереса и азарта. Густые соболиные брови сдвигаются к переносице. Губы сжимаются, превращаясь в едва заметную тонкую линию.

– Не шути со мной, девочка, – звучит негромко, спокойно. Но нервы натягиваются, как струна.

Один расслабленный шаг ближе ко мне – и я сама отлетаю назад, впечатавшись спиной в холодную стену.

Туманов останавливается и удивленно смотрит на меня. Признаться, я тоже не ожидала от себя такой реакции. Машинально получилось.

При виде этого мужчины в голове единственная мысль: «Бежать!»

Ничего не могу с собой поделаться. Даже когда он отступает назад, мне не становится легче.

– Я ни в чем не виновата. Павлик прав, это недоразумение.

– Павлик, – повторяет Туманов и морщится, будто гадость съел.

– Да, жених мой. Сотрудники ЗАГСа что-то напутали, – тараторю я, а язык заплетается. – Должны были меня с Павликом расписать, а получилось... с вами, – вздыхаю тяжело. Мужчина почему-то мрачнеет. Не верит мне? – Вы сами у них спросите, как так вышло.

– Уже, – цедит он. – Их допрашивают. Контракт где?

– Не знаю, – неловко веду плечами. – А он разве не с Павликом был заключен?

– Не с Павликом, – выплевывает со злой издевкой. – Ты действительно не знаешь, что в нем было? – делает паузу, а я головой отрицательно качаю. – Ты всегда документы подписываешь не глядя? – добавляет укоризненно.

Молчу. Мне нечего противопоставить. Действительно дура. И жестоко расплачиваюсь за свою глупость сейчас.

– Я должен был сегодня жениться на Кузнецовой Валерии Михайловне и заключить с ней брачный контракт, но влезла ты...

– Я и есть Кузнецова Валерия Михайловна. Однако за вас замуж точно не хотела, – фыркаю я, но теряюсь, когда в меня летит недовольный взгляд.

– Полная тезка моей невесты, значит? – прищуривается недоверчиво. – Хочешь сказать, что все это не продуманная махинация, а случайность?

– Именно! – хлопаю в ладоши. – Раз уж мы выяснили, что нас расписали по ошибке, перепутав меня с вашей невестой, то давайте мирно разойдемся.

Позовем кого-нибудь из сотрудников ЗАГСа, кого вы еще не успели посадить, – явлю я. – Они быстренько оформят все необходимые документы, и...

– Исключено, – гаркает так, что я вздрагиваю и вся покрываюсь мелкими мурашками. Выдерживает паузу, размышляя о чем-то. – В нашей семье это не принято. Развода не будет!

– А что... будет? – лепечу настороженно.

– Останешься моей женой, – улыбается одним уголком губ. И я не понимаю, шутит он или серьезно. Зачем ему я? – Будешь жить со мной. Родишь наследника. Может, двух. А дальше посмотрим.

Глава 2

– Фу, ни за что! – в состоянии аффекта отпустив страх, выпаливаю на одном выдохе. И тут же закрываю рот.

Лицо Альберта мгновенно темнеет, чуть не сливаясь с иссиня черным свадебным пиджаком. Глаза мечут в меня молнии. Но я выдерживаю разгневанный и в то же время возмущенный моей наглостью взгляд.

«Муж» ожидал другой реакции? Я должна была обрадоваться оказанной мне чести и бежать за ним вприпрыжку?

– Или делаешь, что говорю, – тяжелая ручища ложится на мою талию, окутывает жаром. – Или идешь по статье о мошенничестве, – тон настолько спокойный, ледяной, что я не сразу замечаю в нем угрозу.

– Мы же выяснили, что это случайность, – сглатываю я и ловлю адски черный взгляд на своих губах.

Мне нельзя в тюрьму! У меня учеба в педагогическом техникуме, заказы невыполненные на ремонт одежды. В конце концов, родители строгие, которые убьют меня задолго до суда, и братик маленький.

Еще свадьба должна была состояться, но за Павлика теперь точно не выйду. И дело не в том, что меня со злобным стариком расписали по ошибке. Я найду способ избавиться от него. Или сам сбежит!

Но причина другая: я не прощаю предательства. А как иначе трактовать то, что Павлик бросил меня на растерзание незнакомцу?

– Следствие разберется, – произносит Альберт хрипловато, но тут же откашливается. Отпускает меня, нервно меряет шагами пол, спрятав руки в карманы. – Если ты, конечно, не настолько глупа, чтобы продолжать спорить со мной, – останавливается резко и поворачивает голову в моем направлении.

– Совершенно не понимаю, зачем вам я, – удивляюсь искренне. – У вас же... невеста там, – неуверенно взмахиваю дрожащей рукой в сторону закрытой двери. – Настоящая.

– Черт, – выплевывает Альберт, словно только сейчас вспомнил о своей любимой девушке. Хотя о чем это я? У него вряд ли сердце есть, так что и любить нечем. – Мне надо, чтобы ты находилась в поле зрения. Под моим контролем. Пока что... – чеканит многозначительно, но не торопится посвящать меня в свои планы.

– Я рожать вам не буду, – шиплю сдавленно и губы надуваю.

– Посмотрим, – на дне черных зрачков будто черти пляшут.

– Точно нет, – морщусь носик. И вывожу Туманова из себя. Невольно дергаю за какие-то невидимые ниточки, и он впадает в ярость.

Широкий шаг ко мне. Еще один. И в момент, когда я ожидаю, что Альберт ударит меня или встряхнет, как Павлик, он вдруг... просто протягивает ладонь. Словно дает мне выбор. Но это лишь иллюзия. Я в ловушке, из которой одна дверь – в тюрьму. И загнал меня в тупик именно тот мужчина, который сейчас играет джентльмена.

Вздыхнув, вкладываю руку в его огромную лапу. Ощущение, что сожмет сильнее – и косточки все переломает. Но Альберт не делает мне больно, в отличие от грубого жениха. Бывшего! Наоборот, нынешний «муж» обхватывает мою ладонь

аккуратно и тянет на себя сдержанно. В противовес жесткому, устрашающему образу, он ведет себя вполне адекватно.

Вперед пропускает, выводя из комнаты невесты. Но... куда?

– Альберт?

В холле путь нам преграждает брюнетка в свадебном платье. Невольно окидываю ее взглядом. Наряд из дорогого бутика – распознаю по благородной ткани. Украшения из натурального золота и с драгоценными камнями. Даже диадема в идеально уложенных волосах не бутафорная. Только она стоит, наверное, дороже, чем весь этот ЗАГС.

На фоне девушки я выгляжу бедной родственницей. И хоть мое платье пошито на заказ по лекалам известного дома моды, но на ткани мне пришлось сэкономить. Иначе денег на ресторан не хватило бы. Да и от работы парикмахера, которого мне Павлик оплатил, я не в восторге.

Убираю стоячий от лака локон за ухо, но он не слушается. Ломается и вновь выбивается, ложась на щеку. Липнет неприятно. Хочется смыть весь этот гадкий слой химии, убивающей мои волосы, и освободить привычные пушистые кудряшки.

– Это кто вообще? – презрительно окидывает меня незнакомка взглядом.

Судя по пафосному выражению лица, она и есть настоящая невеста Туманова. Друг друга стоят. Совет да любовь! А меня отпустите.

– Мне сказали, что ты женился, – кидает обвиняюще. – Без меня. Стоило мне опоздать, как ты другую в супруги взял. Солгали, я надеюсь? – брови домиком ставит.

– Нет, – честно и абсолютно невозмутимо выдает Альберт. – Я действительно уже расписан.

Звук хлесткой пощечины эхом разносится по огромному залу. Покосившись на Туманова, отмечаю, что он ни на сантиметр не пошевелился. Ни один мускул на

его лице не дрогнул. И только розоватое пятно, расплзающееся по еще щеке, свидетельствует, что мне не показалось.

– Отец обо всем узнает, и у тебя будут серьезные проблемы, Альберт, – шипит обиженная невеста. Подбирает многослойные юбки и, вздернув подбородок, мчится на выход.

Сама того не понимая, забирает с собой мою последнюю надежду на свободу. Что за подозрительные отношения у Туманова с невестой?

Разве можно так легко любовь всей своей жизни отпустить. И, сложив руки на груди, наблюдать, как она сбегает? Впрочем, Павлик вообще меня бросил, как только я оказалась в беде. И сам смылся.

– Нам еще не поздно развестись, – тяну с сарказмом, но следом голову в плечи вжимаю, желая спрятаться от огнедышащего Альберта. Почему-то на меня он реагирует более эмоционально, чем на свою невесту.

Ей пощечину простил, а меня за каждое слово сожрать готов.

– Поздно. Слышала, проблемы у меня, – кивает на арку, в которой скрылась девушка. – Из-за тебя, – поворачивается и хмуро меня сканирует.

– Пф, становитесь в очередь, – бурчу я, намекая на Павлика. – Вы не первый, у кого из-за меня проблемы, – пожимаю плечами.

– Я привык получать все без очереди, – рычит недовольно, будто мне в принципе запрещено упоминать других мужчин.

Мысленно выбираю, возразить ему или промолчать, но отвлекаюсь на шум и голоса. Секунда – и в холл высыпает целая толпа незнакомых мне гостей. Они оглядываются по сторонам, ищут кого-то и... Задерживаются на нас. Инстинктивно прячусь за спину Альберта, забывая, что он несет куда большую опасность. Судя по его реакции, он в курсе, кто все эти люди.

– Альберт. Валерия. Мы вас обыскали! Церемония начнется с минуты на минуту. Фотографы на месте, – звучит из толпы, но мне сложно найти источник.

Слева в нас летит вспышка фотоаппарата. Через пару мгновений еще одна. Яркий свет ослепляет, и я на автомате зажимаюсь.

Чувствую обжигающе горячие руки на моих продрогших плечах – и Альберт одним движением прокручивает меня, рывком притягивает к себе.

Ладони перемещаются на щеки, сжимают, фиксируя. Мятное лихорадочное дыхание ласкает кожу. Бездонный взгляд диктует свою волю.

Растерянно смотрю в глаза Альберта – и сердце пускается в бешеный галоп.

Тук. Тук. Взрыв. И прямая линия...

Когда «муж» по-хозяйски набрасывается на мои губы с поцелуем.

Под дурацкое «Горько!» я стискиваю зубы из последних сил. До скрежета и боли. До звездочек перед глазами.

Только бы не впустить... ЕГО. Иначе я пропала.

Горячий язык касается моих губ, раздвигает нагло, но упирается в преграду. Большой палец соскальзывает с щеки к подбородку и осторожно, но напористо надавливает. Сопrotивляюсь так, что челюсть сводит.

Наша незаметная борьба не останавливает Альберта. Наоборот, раззадорив сильнее, становится вызовом, который он принимает. Меняет тактику, покоряет более легкими поцелуями, щекочет пальцами шею, добираясь до подвески. Еще пара сантиметров вниз – и у меня сердце из груди выскочит. Прямо ему в раскрытую ладонь, что ложится на декольте.

Вспышки бьют по нам, расстреливая пучками света. Фотографы такими темпами всю пленку переведут! Не много ли внимания к какому-то непонятному мужчине «преклонных лет»? Кто он вообще такой?

Я ведь абсолютно ничего не знаю о так называемом муже. Кроме того что его зовут Альберт, он слишком стар для меня, но... умело целуется и пахнет мятой с цитрусами.

Мычу в требовательный рот, выдыхаю, теряя последние запасы кислорода. Мне срочно нужна новая порция воздуха, иначе погибну. Сердце слишком быстро и дико гоняет кровь по венам.

Задыхаюсь – и... распахиваю рот, как рыбка, выбросившаяся на берег. Но мне не дают умереть спокойно...

Муж пользуется моментом. Кажется, даже хмыкает при этом удовлетворенно. Не уверена, мне сложно анализировать, что с ним происходит.

Я всецело сосредоточена на себе и новых ощущениях.

Разум туманит терпкий вкус, который я чувствую на своих губах. Он стремительно проникает глубже, парализует все рецепторы. Отравляет.

И подчиняет.

Меня никто никогда так не целовал. Откровенно, с наслаждением, будто я десерт. Стремительно тающий в руках... первого встречного мужчины! У всех на виду, под прицелом фотокамер.

Сумасшествие. Позор.

С другой стороны, он же мой муж законный. После свадьбы можно...

Тело млеет и становится пластилиновым, руки ищут точку опоры и ложатся на крепкий пресс. Каждая мышца, как по команде, напрягается под моими ладонями. Твердеет, превращаясь в камень. Горячий, словно на солнце поджаренный.

В ушах шумит так, что я больше не слышу голосов и щелчков затвора. Вспышки лупят все реже, а потом и вовсе прекращают.

Если это был поцелуй напоказ, то почему Альберт не останавливается сейчас. И зачем я неумело отвечаю ему?

Вместо того чтобы оттолкнуть, я провожу руками вверх по торсу. Забираюсь под пиджак, потому что...

Вспоминаю, куда «муж» спрятал мой паспорт.

Это единственный шанс! Сейчас или никогда!

Сгорая от смущения, одной ладонью отвлекаясь поглаживаю бурно вздымающуюся грудь, а второй – ныряю во внутренний карман.

Если Альберт почувствует... Заподозрит... Мне конец!

Но он слишком занят моими губами. Отбросив прелюдии, нападает так, что я с трудом сохраняю способность мыслить. Обнимает за талию – и рывком припечатывает к себе как раз в тот момент, как я вытаскиваю паспорт.

Рука, сжимающая ценный документ, оказывается зажата между нашими телами. И мои мысли полностью сосредоточены на ней. Я пропускаю момент, когда мужские ладони движутся вверх по спине, достигают границы корсета – и пальцы очерчивают линии лопаток.

Вздрагиваю от пронзивших кожу разрядов.

– А это вообще кто, Альберт? – доносится женский голос совсем рядом. И срывает меня в реальность. Прямиком носом в грязь. Потому что чувствую себя испорченной. Меня не просто поцеловали, а будто овладели мною, бдительность усыпив.

Теперь нам обоим придется отвечать перед его родственниками. И на что только муж рассчитывал, начиная заведомо провальное шоу?

Глава 3

Я готова отскочить от Альберта, как ошпаренная, но получается только дернуться и вновь обессиленно замереть в крепких руках. Чувствую себя птицей, угодившей в силки. Стремлюсь улететь прочь, но охотник за приметил добычу.

Несмотря на возмущенное пыхтение женщины рядом, Альберт отпускает меня неторопливо, будто нехотя. Позволяет отстраниться на крохотное расстояние и тут же берет меня за плечи. Медленно проводит горящим взглядом от груди к лицу. Пытается смахнуть растрепанные им же пряди – и лучше рассмотреть меня, но я наклоняю голову, уворачиваясь.

– Валерия, – произносит хрипло. То ли представляет меня родственнице, то ли пробует имя на вкус и тут же съедает без остатка. Бывшую невесту он таким же обволакивающим тоном звал? Привычка осталась?

Отмерев, протискиваю руку между нашими телами – и прячу паспорт в складках платья, придерживая.

– Моя жена, – невозмутимо озвучивает случайно присвоенный мне статус. Как факт. И смело поворачивается к... матери?

Боковым зрением успеваю поймать ухмылку на его волевом лице. Опомнившись, опускаю голову, и еще несколько локонов выпадают из прически, если так можно назвать образовавшееся на моей голове лаковое гнездо. Прячусь за липкими волосами, как за ширмой.

Украдкой поглядываю на свой «тайник», нервно ковыряю обложку паспорта пальцами. Да я съесть его готова, как шпион, лишь бы Альберту не возвращать.

– Не понимаю, – лепечет женщина, ближе подходит. Но лица моего разглядеть не может. – Это же не Лерочка, – определяет по общему внешнему виду.

В сознании вдруг всплывает образ идеальной невесты Туманова. Мне до настоящей Валерии далеко, особенно после «нападения» дикого мужа.

Меня будто из-под локомотива достали, но оттряхнуть забыли. И опять тянут обратно, ведь в следующую секунду талию обвивает мощная рука, а мое миниатюрное тело влетает в каменное изваяние. Альберт обнимает так, будто

заявляет права на меня и наглядно показывает, что я связана с ним узами брака. Будь проклят этот штамп!

– Что происходит, сын? – пререзает воздух мужской бас, а следом громяют приближающиеся шаги. Я чуть ли не приклеиваю подбородок к груди, сжимаясь в напряженный комочек, лишь бы спрятаться от родителей Альберта. Неловко. Стыдно. Хочется сквозь мраморный пол ЗАГСа провалиться. – Очередная диверсия? – добавляет его отец тихо, но строго.

От неожиданности едва не выпускаю из руки паспорт, но в последний момент впиваюсь в него ногтями – и заворачиваю плотнее в белоснежный фатин.

– Да, но не моя. Впервые я не при чем, – слышу насмешку во фразе Альберта. Его будто веселит вся эта ненормальная ситуация. – Я потом все объясню, а сейчас... – намеренно выдерживает паузу, раздражая родителей и пугая меня, – нужно провести свадебную церемонию до конца.

Игнорируя дальнейшие слова родителей, Туманов плотным кольцом обхватывает мое запястье и тянет за собой в сторону торжественного зала. Пытаюсь вырвать руку, но тщетно. Муж шагает тяжело, ускоряется, потому что опять злится.

Из-за накатившей паники не контролирую свое тело. Ноги отказываются подчиняться импульсам мозга, и я едва не падаю с каблуков. Вновь оказываюсь в руках Альберта.

– Если ты действительно не виновата, тебе бояться нечего. Успокойся, – правильно трактуя мое поведение, убедительно произносит Туманов. Без давления или насмешки. Словно мы и правда сможем договориться.

Да, конечно, только мне придется жить с ним под одной крышей и рожать детей. Последнее точно без меня! Я образование получить хочу. С Павликом мы сразу обсудили, что не будет торопиться с детьми и...

Всхлипываю, только сейчас осознав, что жених меня бросил! А муж неизвестно что сделает со мной, когда мы наедине останемся. Хотя после поцелуя несложно догадаться...

Стараюсь избегать прямого зрительного контакта с Альбертом, потому что он меня обезоруживает. Окинув взглядом холл, замечаю Стасю в дальнем углу. Она наблюдает за нами, переминается с ноги на ногу, взволнованно кивает мне.

Бросаю многозначительный взгляд на дверь недалеко от нее – и подруга быстро ориентируется, скрываясь за ней.

– В туалет хочу, – бесстыдно выпаливаю и добиваюсь нужного эффекта. Альберт закашливается. – Сильно, – морщусь я для большей убедительности. – И заодно в порядок себя приведу, – демонстративно сдуваю волосы с лица, которые после всех «приключений» на паклю похожи.

– Хорошо, – соглашается Туманов и жестом подзывает кого-то. Охранник возникает из ниоткуда. Огромный шкаф, на которого я настороженно смотрю исподлобья. И невольно дрожать начинаю. – Проводи мою жену в... – резко отсекается.

Сканирует меня, косится на внушительной комплекции мужчину, мрачнеет и отрицательно качает головой.

– Свободен, – отмахивается. – Сам провожу, – меняет решение, но оно тоже меня не радует.

Чем дальше мы уходим от гостей, тем сильнее скручиваются мои легкие. Боюсь попасться и раздраконить Альберта, но не могу не рискнуть. Паспорт в руке скоро в мокрую тряпку превратится.

– Вы и внутрь со мной пойдете? Может, еще и платье придержите, пока я... – безумный тремор превращается в сарказм.

– Не язви, девочка, – закатывает глаза Туманов и ослабляет хватку на моем локте. – Надо будет – зайду и придержу, – чеканит строго, но снижает громкость, когда из туалета девушка посторонняя выходит.

В холле появляется еще одна пара молодоженов. Видимо, они следующие в очереди на роспись в лучшем ЗАГСе города. Вплывают неторопливо, «работая» на фотографа. Веселые, шумные гости суетятся вокруг.

– Иди, – подгоняет меня Туманов, недовольно зыркнув на толпу. Беспокоится, что опоздаем? Да ради него всех остальных сдвинут, уверена!

Хочу подшутить над ним дерзко, но своевременно захлопываю рот. Прошмыгнув в туалет, прикрываю за собой дверь.

Окидываю взглядом кабинки. В одной из них показывается Стася.

– Ты чего от меня прятаться? – шиплю на нее.

– Лерусик, что творится? Павлика полиция забрала? А что за мужик с тобой? – засыпает меня вопросами.

– Времени мало, помоги, – подставляю ей прическу. Вместе вытаскиваем невидимки и шпильки, освобождая волосы, которые комком остаются на макушке.

Жуть! Никогда к тому парикмахеру больше не обращусь! Впрочем, с моими доходами и появившимися проблемами... мне и не светит подобная роскошь в ближайшее время.

– Подержи, – даю Стасе паспорт, чтобы не потерять и не забыть нигде.

Мою голову прямо над раковиной. Вонючим туалетным мылом, потому что без него лак не убраться. Вместо фена использую гроыхающую сушку для рук. Хнычу, понимая, что убиваю свои волосы. Мне потом несколько недель их восстанавливать бабушкиными методами.

– Мама Света поехала Павлика вызволять. И заявила, что ты ш... – бесхитростно выдает подруга, а я включаю сушку на полную, чтобы заглушить ругательство.

Стася – двоюродная сестра Павлика. Она нас и познакомила. А мамой Светой зовет мою неудавшуюся свекровь.

– Это ошибка работников ЗАГСа, – остыв немного и протолкнув обиду как можно глубже, объясняю. – И я ее исправлю.

В паре слов описываю ситуацию, а сама не теряю ни секунды. Продолжаю колдовать над измученными волосами.

– Пиджак дай мне свой, – сквозь шум говорю Стасе. Взглядом показываю, чтобы поняла.

– Жаль, что твои мама и папа далеко, – причитает она. – Помогли бы тебе. Вот почему свадьбу не перенесли ради них? Может, вообще ничего бы этого не случилось тогда!

– Они были категорически против Павлика. Каждый разговор о свадьбе заканчивался скандалом. И он предложил мне сначала расписаться, а потом поехать к ним в соседний город за благословением, – выпаливаю как на духу то, что скрывала от подруги.

Для всех была озвучена версия, что мои родители на педагогическом форуме в самом дальнем уголке России и не успевают прилететь. Это тоже Павлик придумал. Он вообще был всегда рулевым в наших отношениях. А я слушалась и в рот ему заглядывала. Какая же дура!

– Зря я согласилась. Слепая и глухая от любви была. Вот судьба меня и наказала, – смотрю на свое отражение в зеркале.

Добиваюсь, чтобы на голове вместо сосуллек показались привычные кудряшки – и выключаю адскую сушку. Оставляю волосы влажными, поправляю пышную копну руками.

– Павлик торопился, ему же за рубеж ехать, – напоминает Стася. – Жалко как.

– Да, теперь поездка откладывается. Или вовсе не состоится, – хмыкаю я.

И у меня ничего не будет! Ни красивой свадьбы, ни медового месяца, ни любимого человека рядом. Он превратился в предателя! Таких не прощают.

– Ну, ничего! Разведешься с этим вот... – взмахивает Стася рукой в сторону коридора и прищуривается. – И распишитесь с Павликом! Маме Свете мы все объясним, не волнуйся.

- Нет, - отрезаю коротко, без объяснения причин.

Умываюсь все тем же резко пахнущим бруском. Кожу стягивает, зато макияж убирается без проблем. Возвращаю себе образ обычной девчонки, бледной, непривлекательной, зато кудрявой. Правда, на голове будто шарик сейчас. Я на одуванчик стала похожей! Только черный. Но так даже лучше.

Неузнаваемо.

Не уверена до конца, сработает ли «маскировка».

- Что-то боязно мне. Они такие важные и опасные. Муж этот твой новый... вообще зверюга, - причитает Стася. Знала бы она, как я сама трясусь от страха. У меня единственная попытка, и я должна ее использовать!

Пусть даже она стоит таких жертв...

С тоской смотрю на свадебное платье. Я месяц выбирала фасон, листала журналы, искала выкройку, чтобы в ателье ничего не перепутали. Сама я не настолько профессионально шью. Так, любитель. Но в точности представляла, чего хочу. Несколько раз мне подгоняли платье по фигуре, доводя до идеала. И что в итоге?

- Хорошо хоть не напрокат взяла! Пришлось бы выкупать за полную стоимость, - вздыхаю я.

Нахожу в сумке Стаси маникюрные ножнички и под ошеломленный возглас подружки криво отрезаю верхние юбки от корсета. Оставляю одну сатиновую. Заворачиваю ее внутрь, креплю шпильками на поясе, превращая в укороченный «колокольчик».

Пиджак накидываю поверх корсета и плотно застегиваю. Удлиненный, он скрывает место разрыва, на котором одни лохмотья торчат.

- Занято? - дверь, которую Стася спиной подпирает, толкают снаружи. Лихорадочно бросаю остатки белоснежных юбок в дальнюю кабинку, закрываю и жестом разрешаю подружке впустить "посетителя".

В туалет заходит девчонка нашего возраста. Растерянно смотрит на нас и скрывается в одной из кабинок.

На цыпочках направляюсь к выходу, затаив дыхание, выглядываю в холл, где Туманов сейчас ругается со своим отцом. Оба руками размахивают, спорят. Видимо, обо мне говорят и нежеланном браке. Так заняты выяснением отношений, что не замечают ничего вокруг. Отличный момент для побега!

– Пора, – сообщаю, скорее, сама себе. Но эмоции подавить не могу. Безумно страшно.

Быстро инструктирую Стасю, и мы вместе вываливаемся из туалета. Смеемся намеренно звонко, по сторонам не оглядываемся.

Мельком все же замечаю, как Альберт косится на нас, проверяя, и возвращается к беседе с отцом. Мой расчет был правильный – он ориентируется на свадебное платье.

– Наши уже на улице, что ли? – пищит противно подруга. Выдает заранее подготовленные фразы. – Не могли подождать!

Стараюсь не лететь, а идти естественно и бодро. Я всего лишь слегка подвыпившая и очень радостная гостья. Но на улице не выдерживаю – хватаю подругу и пускаюсь со всех ног к машинам. Нахожу свадебную, арендованную до вечера, и распахиваю дверь.

– У нас инсценировка похищения невесты, – говорю водителю и хихикаю. Заталкиваю Стасю на заднее сиденье, устраиваюсь рядом. – Трогайте, шеф, – выдыхаю, удивляясь, как я в обморок не упала от паники.

Откидываюсь на спинку кресла. Улыбаюсь расслабленно: все-таки сбежала от старика. Но невольно касаюсь пальцами губ, которые пекут огнем и почему-то помнят его.

Альберт

– Мне казалось, мы договорились и все решили, сын, – размеренно произносит папа, сложив руки на груди.

Внешне он выглядит спокойным, непоколебимым, но образ этот обманчивый. По едва заметным деталям считываю, что отец на грани ярости. И ехидно подталкиваю его к краю пропасти.

– Ты решил, – подчеркиваю, – а я согласился.

– Вы с Лерочкой с детства знакомы. Она души в тебе не чает. Лучшей жены не найти, – заводит старую пластинку, и я хмыкаю демонстративно.

– Скажи прямо, что лучшей семьи для слияния капиталов не найти, – напоминаю истинную цель этого брака. Выгодного для обеих сторон. – Но теперь сделка отменяется. Кузнецовы еще успеют «перепродать» свою дочь Петровским. А у меня заключен брачный договор не с той Валерией, – пожимаю плечами.

Признаться, меня позабавила сложившаяся ситуация. И девчонка эта с огромными глазами олененка. Необычная, пугливая, но в то же время дерзкая.

– А где сам договор? – спохватывается папа.

– Понятия не имею, – тяну невозмутимо, хотя сам зол не меньше отца.

– То есть документ, согласно которому все ваше совместное имущество в случае развода делится пополам, утерян? – уточняет он.

– Или украден, – озвучиваю наиболее правдоподобный вариант.

– Твоя ненастоящая жена – кто она вообще? Что если у нее ни гроша за душой? Тогда ТВОЕ имущество вы разделите пополам, – с каждым словом глаза отца становятся шире, а сам он за сердце хватается.

Честно говоря, понимаю его. Он шел к своему нынешнему положению долгие годы. Хватался за любое дело, пытаюсь из всего извлечь прибыль. В каком только бизнесе не пробовал себя. До сих пор наша семья владеет несколькими разрозненными предприятиями, но лично для меня интерес составляют типографии и издательство, у истоков развития которых стоял и я. Хоть для папы они, скорее, как дополнительный заработок. И ниточка, за которую можно дергать меня. Банально, но именно ради наследства я и согласился на брак с дочерью известного бизнесмена. А теперь все оказалось под угрозой из-за случайной ошибки. Или чьего-то продуманного плана?

- И в печали и в радости, - смеюсь нервно. - Да, эта пигалица при желании легко сможет откусить половину нашего семейного капитала. Поэтому в ближайшее время развода точно не будет. Пока не разорвем контракт.

- Прижмем аферистку, заставим выдать подельников, вернем договор, - зло цедит отец, взмахивая руками. - А потом разведешься.

- Она не знает, где контракт. И подписывала все, не читая. Думала, что с Павликом своим заключает брак, - спорю я и сам удивляюсь, почему защищаю ее. - Трясти надо работников ЗАГСа и твоего «лучшего нотариуса, который все сделает четко», - закатываю глаза, цитируя слова папы. - Все бумаги были заполнены, проверены и подписаны с моей стороны, пока истинная Валерия опаздывала, - раздражаюсь не на шутку. Из-за хронической непунктуальности своей невесты я и попал впросак. - Вопрос в том, кто именно дал «горяченькие» документы не той Кузнецовой. Подозреваемых уже допрашивают.

Прислушиваюсь к скрипу открывающейся двери за спиной - и мгновенно оглядываюсь. Слежу, чтобы жена не сбежала, хотя ей не удастся ускользнуть незамеченной в своем свадебном платье. Да и смелости не хватит.

На секунду бросаю взгляд на двух пьяных девчонок, которые на каблуках ковыляют к выходу. Чьи-то гости. Залипаю на одной, миниатюрной, хрупкой, с пышной копной кудряшек.

Зыркаю на закрытый туалет - и возвращаюсь к разговору.

- Да брось. Купился на невинный образ новой жены? - сильнее раздражается отец, устав сдерживаться. - Таких обычно в дело и берут, чтобы легче было

мужика соблазнить и отвлечь.

– Перестань, пап, – отмахиваюсь и ухмыляюсь, вспомнив, как Лера меня «соблазняла». – Она точно не при чем. Трясется, боится всего, шуток не понимает, от мужчин шарахается. Куда ей.

В комнате невесты эта девочка испуганным зверьком казалась. А как она отскочила от меня, едва стену не вынесла! И с каким неподдельным страхом восприняла несерьезное предложение родить наследников. Я проверял ее, испытывал, на искренность вывести пытался. Да любая другая посчитала бы за честь стать частью семьи Тумановых. А уж тем более мошенница, которая читала детали договора.

Но нет. Мне показалось, что Лера не лжет.

Глупая. Наивная. И честная.

А еще совершенно не умеет целоваться. Однако своей дрожью и неопытностью заводит с полуоборота. Я на секунду даже грешным делом засомневался, а стоит ли торопить развод?

– И все-таки я склоняюсь к тому, чтобы сдать аферистку полиции, – настаивает отец. – А не церемонию проводить.

– Хочешь спровоцировать скандал? Ты лично прессу приглашал. А теперь представь, как теперь выкрутят срыв свадьбы... – криво ухмыляюсь, и отец багровеет от гнева. Он терпеть не может, когда я оказываюсь прав. Нервно дергает галстук, ослабив узел. – Мы доведем дело до конца, выбора нет. Чужие не знают, как выглядит Валерия. Она за границей последние годы жила, и Кузнецов-старший семью свою скрывал от посторонних глаз. А своих заставим промолчать.

– Что ты предлагаешь делать дальше? – все-таки сдается папа. Понимает, что без потерь нам из странной ситуации не выбраться.

– Проведем церемонию, будто мы настоящие влюбленные, – улыбаюсь, потому что совсем не против еще одного «Горько». – Гостей отправим в ресторан.

Скажем, что медовый месяц перенесли, билеты поменяли – и вынуждены улететь прямо сейчас, – постукиваю себя пальцем по подбородку, размышляя. – Девочку домой отвезем, поговорим с ней спокойно. Кузнецовым позже позвоним, все равно они не в России, а за границей нас ждут. Может, удастся все решить быстро и без их ведома. А вот истеричку Валерию надо перехватить, – с пренебрежением отзываюсь о своей несостоявшейся жене.

Настоящая Лера красивая, удобная и выгодная, этого не отнять. Отец полностью прав – идеальная партия. Но при этом слишком капризная и избалованная. Воспитывать ее и воспитывать. Переделывать то, что из нее выросло за двадцать пять лет. Лепить под себя. Но сначала разобраться надо с «лишней» Лерой.

– Допустим, – тянет папа, будто одолжение делает. А ведь у самого нет других предложений. Придется следовать моему плану. – Аферистка где? – выплевывает ядовито. И я плечами передергиваю.

– Девочка носик пудрит, – взмахиваю рукой в сторону уборной. Не спешу ярлыки вешать, как отец. Сначала выясним все, а наказать ее и обозвать успеем.

– Одна? – с подозрением прищуривается.

– Конечно, не с охранником же ей в женском туалете быть, – морщусь. Никогда девчонок под дверью не сторожил, но именно эту охране почему-то не решился отдать.

Кто-то толкает меня плечом, холл стремительно заполняется чужими людьми. Судя по настроению и нарядам, это гости следующей церемонии, которая состоится после нашей. Я смотрю на циферблат часов, мрачнею, осознавая, что время на исходе, а после – кошусь на дверь.

– Опаздываем, – бубню под нос недовольно.

– Пойду договорюсь, чтобы нас ждали, – рычит отец недовольно. – Давай поторопи лже-жену!

По пути к залу бракосочетаний он все-таки дает знак охраннику, и тот движется в моем направлении.

– Смешно! За мелкой пигалицей с охраной ходить! – приснув смехом, легко стучу по деревянной поверхности.

Слышу шум и суматошную возню за дверью. В платье своем неудобном запуталась? Кто только выдумал эти глупости! Я парюсь в костюме, невеста чуть ли не в балетной пачке. Ради чего? Проще было бы расписаться – и забыть. Зачем делать из свадьбы шоу? Тогда бы и путаницы этой не возникло...

Шаги звучат совсем близко, но потом вдруг затихают. Отдаляются, словно девочка забыла что-то.

– Валерия? – зову строго. Хотя бы голос подала и отчиталась, что скоро выйдет. – У тебя есть пять секунд, или я действительно зайду «платье поддержать», – угрожаю в шутку, вспоминая, как эта скромница дерзила мне.

Дверь распаивается, едва не прибив меня, но на пороге... не Валерия. Окидываю ее с ног до головы. Совершенно незнакомая девушка. Хотя у меня плохая память на лица, но эта даже не в свадебном платье. Да и высокая слишком.

Сомневаюсь, что моя «жена» такой мастер перевоплощений. Поэтому пропускаю незнакомку.

– А там больше никого нет вроде бы, – шепчет она осторожно и огибает меня, чтобы уйти.

– Как нет? – грубо рявкнув, ловлю девушку за запястье и на всякий случай передаю охраннику. Вдруг что-то видела или знает.

Врываюсь в туалет, окидываю взглядом помещение в поисках окон, через которые можно было сбежать. Неужели Валерия рискнула бы меня облапошить? Зря... В таком случае она жестоко пожалеет, что затеяла игру в кошки-мышки.

Не нахожу никакого подходящего «лаза», кроме форточки. Но она наглухо закрыта. По очереди распахиваю кабинки. Неконтролируемая злость все сильнее накатывает с каждой, что оказывается пустой.

В последней – дверь цепляется за что-то. Открывается не сразу и тащит за собой смятое тряпье. Толкаю яростно, едва не срывая полотно с петель.

Наклоняюсь к белым кускам ткани, что хаотично разбросаны по полу, беру в руку один из них. Длинный, но невесомый, из полупрозрачного фатина. Как те, что обычно украшают... свадебное платье.

– Хм, – перебираю пальцами задумчиво. – Как?

Избавившись от главного «отличительного знака», Валерия с легкостью могла прошмыгнуть мимо меня. Я ведь не рассматривал каждую девчонку, что бродили возле уборной. Ждал невесту в белом.

Как и где ее искать теперь?

Хотя!..

Продолжая сжимать в одной руке ткань, второй – хлопаю себя по внутреннему карману пиджака. Ищу паспорт Валерии. Без него она далеко не уйдет. Если надо, в розыск подам, обвинив беглянку в воровстве. Как раз и фото из документа есть...

Или нет...

– Тебе конец, аферистка! – рычу в пустоту и разрываю чертов фатин пополам.

Глава 5

Валерия

Стежок. Еще один. И нитка рвется, а вместе с ней ломается тонкий стержень внутри меня, который до сих пор каким-то чудом держал меня в равновесии.

Подняв прижимную лапку, резко вытягиваю из швейной машинки распоротое старое платье, которое могло бы превратиться в симпатичную юбку. Выкройку я давно нашла в одном из модных журналов, но руки не доходили. Подготовка к свадьбе отбирала все силы и полностью заполняла мысли.

Сняв ткань, бросаю ее на пол. И, обхватив голову руками, прикрываю глаза.

Обычно шитье помогает мне успокоиться.

Но не сегодня. И дело не в том, что машинка не моя, а хозяйки квартиры. Я быстро приспосабливаюсь.

Однако все последние дни после «свадьбы» меня трясет от нервов, злости и обиды. Не таким я себе представляла медовый месяц.

Поднимаю взгляд на часы и фырчу себе под нос.

– Ненавижу, – дергаю за нитку, пытаюсь вытащить остатки из механизма. Но лишь отрываю кончик.

Ненавижу всех!

Павлика, который бросил меня и не позвонил даже за все это время. Не поинтересовался, что со мной. Может, меня в лес в багажнике вывезли и прикопали под елкой?

Работников ЗАГСа, что одним росчерком пера поставили крест на моей жизни.

Себя, потому что подписала документы, не изучив их.

Опасного Альберта, из-за которого не могу спать ночами. Бегу от него, а он постоянно оказывается рядом.

- Лерусь, я дома, - доносится звонкий голос Стаси, но окончание фразы теряется в грохоте захлопнувшейся двери.

- Ну что? - выскакиваю в коридор. Не поздоровавшись, выхватываю у подруги рюкзак со своими вещами из общежития. Перерываю содержимое. Вроде бы есть все по списку.

- Ты была права, в училище о тебе спрашивали, - садится на пуфик у стены, расстегивает босоножки. А я лихорадочно проверяю, привезла ли Стася кеды. Мне они больше пригодятся. - И в общежитии, где ты прописана, тоже искали. Я как раз уходила, когда они приехали.

- Кто? - сглатываю судорожно.

- Не знаю. Мужики какие-то, - пожимает плечами. - Может, тебе к родителям вернуться на время?

- Они на юг сегодня уезжают отдыхать. Ведь не в курсе были нашей свадьбы с Павликом. Свои планы строили, братика на море давно хотели отвезти, - едва не всхлипываю. Лучше бы с ними отправилась в отпуск, как раньше! Сдалась мне эта свадьба в девятнадцать лет! - К тому же, мне кажется, меня там тоже искать будут, - выдыхаю шумно. - А так замок поцелуют и, может, оставят меня в покое.

- Вряд ли. Настроены серьезно, - сжимает губы Стася. - Хорошо, что ты сразу у меня спряталась, - подмигивает мне.

Но я сомневаюсь. Вдруг кто-то в училище проболтался, что мы дружим? Нет, убежище у меня ненадежное. Надо искать другое...

- На развод не думала подать через суд? - наивно уточняет.

- Мне четко дали понять, что развода не будет, - бурчу я, присаживаясь рядом и сдвигая подругу на край пуфика. - Уверена, у Тумановых связи всюду, и меня

сразу им выдадут.

– Бандюганы какие-то? – выпаливает она, толкает меня плечом, и я от неожиданности слетаю на пол.

– П-почему бандюганы? – заикаюсь, потирая бедро.

– В наше время если денег много – значит, бандюганы, – поднимает палец вверх поучительно. И тут же руку мне подает, помогая встать. – А у них, судя по всему, их куры не клюют.

– Стася-а-а, – хнычу я обреченно.

– Прорвешься, – хлопает меня по предплечью. – А, может, проще на брак согласиться? Будешь женой богача, классно же, – улыбается, но спотыкается о мой возмущенный взгляд.

– Еще чего! – отрицательно качаю головой. – Наверное, надо мне комнату отдельную снять. Квартиру не потяну. Но прежде... денег где-то надо раздобыть. А паспорт... «Потеряю» – и подам заявление на новый. Без штампа. Или сразу куплю подделку, – тяну задумчиво, но Стася хмурится. – Только не знаю, где подобное заказывают и у кого... Да и опять же деньги нужны.

– Есть у меня один вариант, – Стася расстегивает замок и ныряет в свою сумку. Через секунду вкладывает в мою ладонь листок с адресом. – Правда, я для себя его присмотрела. Хотела от квартиры этой отказаться, сэкономить деньги на съеме. И заработать заодно. Но что не сделаешь ради подруги...

– Не понимаю, – недоуменно вчитываюсь в название улицы.

– Няня требуется в этот дом. Для девчушки восьмилетней. Проживание, питание – все включено. И платят еще! – хихикает. – Я планировала на лето там зависнуть, а в сентябре слиться. Перед учебой.

– Интересно, – задумчиво массирую пальцем щеку. – В чем подвох? – прищуриваюсь.

– Ну-у, мне Ленка с параллельного потока адресок дала. Сама она не смогла там работать, – отводит взгляд. – Правда, там ждут Потапову, то есть меня. Я им звонила уже, представилась по фамилии и уточнила, что у меня педагогическое образование. Утаила, конечно, что неоконченное. Но не думаю, что они паспорт и диплом просить будут, – отмахивается в ответ на мой немой вопрос. – У них ни одна няня дольше трех дней не задерживается, так что согласны на любую. Трудный ребенок, – неопределенно ведет плечом. – Там своя какая-то история, но об этом не распространяются. Если что не так, сбежишь. У тебя опыт есть, – подшучивает надо мной.

– Не смешно, – бубню, но все-таки прячу листок в рюкзак.

Вздрагиваю, когда слух пререзает звонок телефона. Бегу к тумбочке и машинально поднимаю трубку.

– Алло, – срывается с губ. И я тут же прикусываю нижнюю. Может, зря рассекретила себя? Лучше бы подруга ответила.

– Лерок, ты у Стаси? – преувеличенно довольный выкрик Павлика оглушает.

Хочется бросить трубку, вырвать провод и разбить телефон. Но я лишь сильнее сжимаю рукой пластик. – Я так и думал.

– Нет, – пишу и понимаю, что сглупила. – То есть да. В гостях. Но уже ухожу, – лгу нагло, подсознательно не доверяя жениху.

Я устала ждать его звонка. Внутри отболело. Отмерло.

– Подожди, – спохватывается, – я сейчас приеду.

– 3-зачем? – хмурюсь. Не хочу мириться. И замуж за него больше не стремлюсь. Да и не могу – место в паспорте занято наглым богачом. Или бандюганом, как Стася «мужа» охарактеризовала. Я же не спешу делать такие выводы. Может, Альберт тоже всего лишь жертва ошибки, как и я. Вот только виновной меня считает – и злится.

– Ты невеста моя, – вспоминает вдруг, а меня всю передергивает. – Я все выяснил. Разобрался, – убеждает тихо. – Приеду, и мы поговорим. Я соскучился.

– А я нет, – все-таки бросаю трубку.

И шумно вбираю воздух носом. Плетусь в кухню, чтобы нам со Стасей ужин приготовить. Отвлекаюсь от мрачных мыслей, пока вожусь у плиты. Теряю счет времени. И даже успокаиваюсь немного.

Но чуть не выпускаю из рук сковороду с жареной картошкой, когда подскакиваю от внезапного крика подруги.

– Ой, а кто это у нас под домом, – выглядывает из окна вниз. Становится на носочки, чтобы лучше рассмотреть.

Подлетаю к ней и, перевесившись через подоконник, устремляю взгляд на два черных мерседеса. Посередине пустого двора они выглядят инопланетными кораблями.

С высоты третьего этажа сложно разглядеть, кто именно выходит из машин. Лишь бритые макушки вижу.

– В наш подъезд направляются, – обреченно сиплю.

– Я же говорила! Муж твой... – испуганно лепечет Стася.

– Бандюган, – соглашаюсь, сжимая кулачки и впиваясь ногтями в ладони.

Лихорадочно соображаю, куда бежать с третьего этажа. В окно точно не полезу – высоты дико боюсь. Уверена, трюк со сменой внешности во второй раз не сработает. Альберт невнимателен, но не глуп.

Переминаюсь на месте с ноги на ногу. От растерянности меня спасает Стася. Цепко хватая за локоть и тянет на выход.

– Ты решила сдать им меня скорее? – растерянно хлопаю ресницами и упираюсь что есть мочи.

- Нет, дурочка. Не спорь. У меня идея! - обходит меня и толкает в спину.

В коридоре берет мой паспорт из выдвижного ящика комода, запихивает в боковой карман рюкзака, который тут же надевает мне на плечи. Словно под гипнозом, натягиваю кеды - и вываливаюсь на лестничную площадку прямо в домашнем платье.

С первого этажа доносятся тяжелые шаги, которые эхом отбиваются в моей голове, болью пронзая виски. Почему-то сейчас мне страшнее, чем было с Альбертом.

Стася выносит пуфик, а потом кивает мне на люк наверху.

- Лезь на чердак! - приказывает, и я слушаюсь в точности.

Молниеносно взбираюсь, толкаю деревянный блок, отодвигая его в сторону. При помощи Стаси, которая панически пинает меня под попу, оказываюсь наверху.

- Там есть выход на крышу. А дальше по пожарной лестнице можешь вниз спуститься, - инструктирует меня, пока я бледнею от шока.

- Ни за что! - хриплю, потому что в горле резко пересыхает. - Вдруг я сорвусь, а там высоко.

- Тогда иди к богатому мужу, - хмыкает Стася. - Совет да любовь! - и руку мне протягивает, призывая спуститься. Но я машу головой активно.

К Альберту я точно не вернусь! Один старик, два наследника. Нет уж, слишком непосильная ноша для меня!

Времени на препирания нет, потому что грохот шагов становится все ближе. Переглядываемся со Стасей.

Подруга закрывает дверь своей квартиры, а я - люк. Делаем это практически одновременно. За пару мгновений до того, как незваные гости появятся на нашем этаже.

Затиhaю, прислушиваясь к голосам. Но не улавливаю среди них того самого. Сурового, обволакивающего, с хрипотцой и насмешкой.

Конечно, не станет же Альберт лично носиться по городу за сбежавшей женой. Вот и отправил по мою душу своих амбалов.

Они представляются сотрудниками правоохранительных органов, но я им ни на секунду не верю. Как и Стася, судя по ее приторно-любезному тону. Играет.

– Уехала уже, – разбираю обрывки разговора. – Конечно, проверяйте, – подруга впускает их в квартиру.

У меня сердце стучит так громко, что кажется, будто привлечет внимание амбалов. Отхожу от люка, осматриваюсь, нахожу небольшую дверь, что ведет на крышу.

Дергаю, но она не поддается. Еще раз – и в руке остается часть ручки. Но замок по-прежнему заперт.

– Уф-ф, – выдыхаю протяжно, но сильно не расстраиваюсь. Перспектива спустаться по ржавой лестнице с третьего этажа в вечерней тьме меня не прельщает. Я жить хочу! Но не с мужем!

В спутанных чувствах сажусь прямо на пыльную перекладину и терпеливо жду, когда «обыск» в квартире Стаси закончится. Внимаю каждому шороху.

Спустя время на лестничной площадке становится шумно. Отчетливо слышу, как прощается Стася, после чего амбалы тяжело шагают прочь. Не тороплюсь отодвигать крышку, чтобы не раскрыть себя раньше времени.

Когда решаюсь выглянуть, подруги уже и след простыл.

– Мамочки, как спуститься-то, – постанываю панически. – Ста-ась? – зову обреченно, но в ответ тишина.

Сбрасываю сначала рюкзак, а затем лезу сама. До последнего держусь руками за край люка, но не могу заставить себя прыгнуть. Даже такого маленького

расстояния до земли боюсь.

Помолившись и заодно попрощавшись с жизнью, разжимаю ладони и, зажмурившись, лечу вниз.

Вскрикиваю, неудачно упав на ногу и подвернув ее. Массирую лодыжку, сидя на холодном бетоне. И на мои стоны тут же выглядывает Стася.

- Горе ты луковое! Почему не сбежала? - ругает, но затаскивает меня в квартиру. Прихрамываю, однако иду.

- Ход на крышу заперт, - пожимаю плечами.

И радуюсь, что не приходится лгать, потому что я в любом случае не решилась бы воплотить в жизнь план Стаси. А так у меня повод есть. Это не я испугалась высоты, а просто дверь не позволила сбежать.

- Взломала бы. Там старая хлипкая дверь, - закатывает глаза подруга.

Собираюсь поспорить, как раздается звонок в дверь. Округляю глаза и распахиваю рот в немом крике.

- Они вернулись за мной?

- А я говорила тебе бежать через крышу!

Шипим с подругой практически в унисон. Ориентируюсь мгновенно. Схватив рюкзак, я прямо в обуви мчусь в сторону балкона. Закрываюсь там и приседаю, прячась за перегородкой. Надеюсь, мне не придется лезть к соседям?

Вся надежда на Стасю и ее умение убеждать.

Открываю рюкзак, достаю из кармана на молнии смятую бумагу, которую машинально там спрятала, как особо ценную информацию. Расправив ее, запоминаю адрес.

– Если я останусь незамеченной сейчас, то завтра же поеду в тот дом. Спрячусь там, где точно никто искать не будет, – решительно постановляю. – И справлюсь с «трудным ребенком», чего бы мне это ни стоило! В конце концов, у меня братик ее возраста. Не может же девчонка быть несноснее пацана? Ведь так?

Альберт

– Кто такие? – киваю на подозрительные черные мерседесы во дворе, куда мы въезжаем. Гриша за рулем пожимает плечами. – Номера пробей! – рычу зло, когда три амбала выходят из подъезда, где, если верить надежным источникам, снимает квартиру подруга моей жены.

Но самой девочки с мужиками нет. Значит, не приезжала или успела смыться. В ее ловкости я ни на миг не сомневаюсь. Так легко провела меня в ЗАГСе, настоящая мошенница! И обязательно будет наказана за то, что пошла против моей воли. Подставила меня, а теперь и свою попку опасности подвергает.

Дура мелкая!

Однако никому все равно ее не отдам!

Выхожу из внедорожника, захлопываю дверь как раз в тот момент, когда мерседесы срываются с места. Поднимая клубы пыли, мчатся по узкой улочке, набирая скорость.

Уроды.

– Альберт Ильич, мне с вами подняться? – уточняет охранник, но я жестом приказываю ему оставаться в машине.

Достаточно того, как он народ в техникуме своим грозным видом распугал. Нормально пообщаться не позволил со студентами и преподавателями. Нет, на этот раз я сам. С подругой Леры надо бы помягче побеседовать. Хотя это не мой конек. Обычно я не церемонюсь ни с кем.

Преодолеваю ступеньки, взлетая на третий этаж. Не понимаю, почему, но очень тороплюсь. Будто каждая секунда промедления имеет значение.

Вдавливаю кнопку звонка. А сердце лупит в ребра, ломая их.

– Валерия здесь? – выпаливаю сразу же, как открывается дверь.

– Нет, уехала давно, – бодро отзывается девушка, будто заученную реплику выдает.

Аккуратно отодвигаю ее – и захожу в скромную квартирку. Окидываю взглядом узкий коридор, мельком заглядываю в ванную, меряю шагами кухню. Делаю все под неодобрительное пыхтение девушки.

Игнорируя ее, направляюсь в комнату. Изучаю обстановку, прислушиваюсь к каждому побочному звуку. И даже распахиваю большой платяной шкаф, но следом закрываю, не обнаружив ничего интересного. Но я должен был убедиться, что Лера не прячется от меня там.

Впрочем, амбалы до меня здесь все обыскали.

Девочка улизнула. Опять...

Размеренным шагом подхожу к столу, цепляюсь взглядом за швейную машинку. Старую, бабушкину. Видимо, хозяйке принадлежит. Отмахиваюсь, как от чего-то неважного.

Квартира в целом выглядит так, будто Леры здесь нет. Но все-таки я останавливаюсь у двери балкона и, сложив руки в карманы, задумчиво смотрю через залапанное стекло вдаль.

Чувствую, как со спины ко мне приближается Лерина подруга. Думает, я ее не замечу.

– Как вас зовут? – оглядываюсь резко, и она чуть не подпрыгивает на месте.

– Стася... нислава, – мямлит, съедая слог.

– Послушайте, Станислава, – достаю из кармана визитку с рабочим телефоном, а девушка отскакивает, будто я пистолет сейчас вытащу. Нахмурившись, протягиваю ей карточку. – Передайте вашей подруге, что она должна связаться со мной в ближайшее время. Иначе у нее могут быть серьезные проблемы.

– Вы... угрожаете, да? – кусает губы.

Мрачнею сильнее. С чего она такие выводы делает?

Каюсь, все эти дни я мечтал голыми руками жену свою придушить. Но после того, как столкнулся с амбалами под домом, внезапно начал переживать о ней. Безмозглая, попадет непонятно к кому в руки! Я сначала должен выяснить, кто еще Леру ищет, кроме меня. И главное – на хрена им моя жена?

– Нет, наоборот, – отвечаю отрывисто. Вкладываю визитку в дрожащую руку Станиславы, а сам иду на выход. – Я ее не обижу.

Глава 6

Валерия

– Этот серебристый внедорожник всю ночь под нашим домом простоял, – аккуратно выглянув в окно, шепчет Стася. Будто водитель внизу услышать ее может. – Мне кажется, на нем твой муж и приехал вчера.

– Не зови его так, – фыркаю я. – Альберт мне не муж. А недоразумение, которое надо скорее исправить, – дергаю рукой и обливаюсь чаем. Благо, что я не пью горячий – всегда водой разбавляю. Но коричневые капли попадают на ситцевое платье нежно-фисташкового цвета, в котором я собиралась на собеседование в богатый дом. – Испортила, – причитаю недовольно.

Бегу в ванную, чтобы быстро застирать пятна хозяйственным мылом. Оно все убивает. Вот и мои волосы не пережили контакта с ним на «свадьбе мечты» – до сих пор сухими кажутся, а кудри непослушными пружинками торчат в разные

стороны. Что я только не делала и чем не вымывала лак и мыло после побега из-под венца. Но становилось только хуже. Ощущение, что эта гремучая смесь въелась в каждую прядь и иссушила ее. Не восстановить теперь.

Устав, я собираю копну волос в хвост. Замываю следы чая прямо на себе. И возвращаюсь в кухню к Стасе.

– Не уехал? – лепечу, заранее зная ответ. – Я ведь так опоздаю, – злюсь, хотя должна бы бояться.

«Я ее не обижу», – проносятся в голове слова Альберта, которые слабо, но все же проникли сквозь щель на балкон, где я пряталась. На что он рассчитывал? Ждал, когда я выскочу и брошусь на шею вызволителю?

Нет уж! Я помню, как Туманов вел себя в ЗАГСе. И сейчас играет со мной: сначала амбалов подсылает, а следом сам приходит весь такой хороший и благородный. Загоняет жертву, чтобы потом изобразить ее спасение.

– Неа-а. Стоит вон на месте, как памятник... твоей безвременно почившей свободе, – с грустью тянет Стася. – Может, все-таки по пожарной лестнице? – оглядывается и смотрит на меня сочувственно.

– Представь, как я буду выглядеть там среди бела дня? В разлетающемся платьице, – нервно приснув смехом, закашливаюсь. – Соседи или ментов, или дурку мне вызовут, – заставляю подругу захихикать. – Так пойду. Пока во дворе оживленно, бабули с детьми гуляют, проскочу. Мне бы в тот дом устроиться – и точно никто не найдет! Ты только Павлику ни слова не говори! – спохватываюсь я, стрельнув в Стасю предупреждающим взглядом.

– Не скажу. Я ведь не выдала ему, что ты у меня все-таки осталась, – бубнит обиженно. – Пашка беспокоится о тебе, приехать хотел, но я переубедила. Думаешь, это он сдал тебя? Да ну, Лерусь! Вы же любите друг друга! – восклицает, а я морщусь то ли от звука ее голоса, то ли от самой фразы.

– Трус твой двоюродный брат, Стася, уж прости, – не выдерживаю я. – И любовью там даже не пахнет, – подытоживаю с обидой. Неприятный яд разливается по венам. – Ладно, я все-таки пойду. Иначе на работу не примут. Зачем им такая непунктуальная няня? Чему малышку научит? – хмыкаю я и подсознательно

готовлюсь к новому для меня амплуа.

Я же справлюсь с ребенком? Все лучше, чем попасть в лапы Альберту.

- А вдруг он заметит тебя из машины и узнает? - справедливо спрашивает подруга.

Вздыхнув, стаскиваю с себя и так мокрое, помятое и потерявшее вид платье. В одном белье иду в комнату и нахожу в рюкзаке широкие джинсы. Вспоминаю, что видела у Стаси пару мужских футболок - она в таких дома ходит. Выбираю самую невзрачную и накидываю на себя. Хвост прячу под старой кепкой, которую обнаружила еще вчера на балконе. Дополняют пацанский образ кеды.

- Гуддини, елки-палки, - выдыхает Стася. - Думаешь, прокатит опять?

- Выбора нет.

На дрожащих ногах преодолеваю лестничные пролеты, напирая плечом на дверь подъезда и выхожу во двор, щурясь от яркого солнечного света. Здоровуюсь с бабульками на лавочке, которые изучают меня с подозрением, но вспомнить не могут.

Мазнув взглядом по серебристому внедорожнику, задерживаюсь на опущенном стекле со стороны пассажирского места. В кресле, сложив руки на груди и прикрыв глаза, отдыхает... Альберт. Издалека его узнаю по волевому профилю, жестким чертам лица, легкой, но заметной из-за черного цвета щетине, коротким угольным волосам, подстриженным в классическом стиле, без модных глупостей, как у Павлика. Широкая грудь равномерно вздымается в такт дыханию.

За рулем внедорожника никого нет: видимо, водителя хозяин отправил куда-то. И сам уснул.

Поверить не могу, что этот богатый бандюган лично дежурил всю ночь у моего подъезда. Но тем страшнее познать на себе его ярость, когда он меня поймает после стольких мучений.

– Эй, пацан, прикурить не найдется? – окликает меня огромный амбал. С трудом сдерживаюсь, чтобы не завопить и не пуститься наутек. У меня аллергия скоро разовьется на больших накачанных мужчин.

Отрицательно качаю головой и ускоряю шаг. Краем глаза наблюдаю, как качок возвращается к тому самому внедорожнику и становится рядом, оперевшись о капот. Не спешит греметь дверью и будить хозяина. Я бы тоже не рискнула.

Хотя спящий Альберт выглядит вполне безобидным, добрым и даже... милым. А еще он по-мужски красивый – я это еще в ЗАГСе заметила. Жаль, что бандюган и, скорее всего, прибьет меня, если найдет.

После сегодняшнего выкрутаса – у меня точно нет шансов.

Заворачиваю за угол дома и со всех ног мчусь к троллейбусной остановке. Мне целую вечность с пересадками добираться по нужному адресу.

В мой новый дом. И спасительное пристанище.

По пути заезжаю в общежитие, чтобы переодеться, и узнаю, что мою кровать в трехместной комнате комендант успел сдать другой студентке. Меня всего пару дней не было! Но он поставил крест на мне после появления амбалов – и шустро сориентировался.

К счастью, соседка оказывается на месте и по старой памяти впускает меня. А потом растерянно садится на стул у стены, наблюдая за каждым моим движением. Поворачиваюсь спиной к ней и, не стесняясь, меняю футболку на цветастый сарафан. Немного не то, в чем я хотела бы предстать перед богатыми работодателями, но фисташковое платье смятым мокрым комком лежит в рюкзаке и совершенно потеряло презентабельный вид.

– Что случилось? А тебя искали мордвороты какие-то... У тебя проблемы? А замуж-то вышла? У мужа теперь жить будешь?.. А он бандит, что ли? Я думала, у тебя обычный парень...

Соседка засыпает меня вопросами, но я пропускаю мимо ушей пустой треп. Мы никогда не были слишком близки, в личные тайны я ее не посвящала – и

начинать не собираюсь.

– Ага, – машинально соглашаюсь с каждым пунктом, пока она шокировано округляет глаза. – Бандит. Разболтаешь кому-то, что я здесь была, он и за тобой амбалов пришлет, – пытаюсь из последних сил сохранять серьезность, хотя на смех пробивает. Слишком комично у соседки лицо вытягивается. – Свидетели долго не живут, – подмигиваю ей, но она дергается, как от выстрела.

Взглянув на часы, хватаю рюкзак и мчусь на выход, небрежно прощаясь с испуганной девушкой. И все-таки срываюсь в нервный хохот. Быть женой бандюгана, пусть и фиктивной, порой бывает весело.

* * *

Опираюсь плечом о высоченный забор, покрытый красным кирпичом и декорированный опасными шпильками наверху. С тяжелым пытением снимаю кеды, беспощадно сминая задники, и облачаю зудящие ноги в аккуратные босоножки.

Мне пришлось минут двадцать идти пешком от остановки по усыпанной щебнем тропинке. Нет! Бежать, чтобы не опоздать! Я ощущала каждый острый выступ через тонкие подошвы. Ступни горят, будто исколоты миллиардом иголок, а лодыжка ноет после вчерашнего неудачного падения с чердака.

Эти дикие бега от мужа убьют меня раньше, чем он сам!

Захныкав тихонько и пожалев себя несчастную, запихиваю обувь в рюкзак и плетусь к железным воротам. Неуверенно вдавливаю кнопку звонка. И пока жду реакции с той стороны, с любопытством заглядываю в щель.

Вижу часть территории, сад, край деревянной скамьи и угол стола в беседке. Больше ничего разглядеть не успеваю, потому что калитка распахивается резко, едва не ударив мне в нос. Отскочив прежде, чем из меня сделают пекинса, я натягиваю на лицо милейшую улыбку.

– К кому? Кто такая? – металлическим голосом, как робот, скрипит охранник.

Опять амбал! Мне срочно необходимо антигистаминное, иначе случится анафилактический шок. Со дня свадьбы не выношу подобных качков. Они преследуют меня, мерещатся повсюду, так еще и работать придется рядом с одним из них.

– Кузне... – начинаю, но мгновенно осекаюсь. Идиотка, чуть не выдала себя! – Потапова, – щебечу, щурясь от солнца. – Няня для...

Получаю микроинфаркт, когда с ужасом осознаю, что не помню имен. Ни девочки, ни хозяев дома. Мне Стася вообще называла их? Все так быстро произошло, а я в такой суматохе принимала решение, что подготовиться к собеседованию не успела.

– Для Алены Ильиничны? – невольно помогает мне охранник. Мысленно благодарю его и даже прощаю грозный внешний вид.

Аленка, значит?

Представляю милую девчущку в косынке, как на обертке известной шоколадки. Обожаю сладкое! И малышку обязательно полюблю. Будем вместе с ней ночью под кроватью, пока никто не видит, делить молочную плитку на квадратики. Портить зубы, аппетит и фигуру.

– Да! – киваю довольноно.

Но амбал почему-то хмурится, медленно окидывает мою щуплую фигурку взглядом, останавливается на лице, где сегодня ни грамма макияжа, отчего я наверняка сама ребенком выгляжу, и сочувственно головой качает.

– Хм... Удачи, что ли, – пропускает во двор.

Пожав плечами, цокаю невысокими, но невероятно громкими из-за железных набоек каблуками по тротуарному камню. Стараюсь грациозно идти, важно задрав подбородок, но сама то и дело малодушно смотрю по сторонам. С интересом и восхищением.

Территория вокруг особняка невероятно огромная и разделена на несколько зон. Здесь и сад, и просторная беседка с обеденным столом, и детская площадка с покосившейся качелью и разбитым наземным фонарем. Хм... Может, у них есть вольер с овчарками или ротвейлерами. И ночью зверюг выпускают, чтобы охраняли территорию, а они портят имущество?

От этой мысли не по себе становится. Дико боюсь собак. Если я права, то с наступлением сумерек даже носа на улицу не покажу.

Прислушиваюсь к окружающему шуму, но не различаю в нем лая. Только подпрыгиваю от кашля амбала позади меня. Он сопровождает меня вплоть до крыльца дома.

Поднявшись по ступенькам, в очередной раз проявляю слабость, бросаю взгляд вбок – и он тут же цепляется за островок лазурного оттенка. Идеально гладкий и полупрозрачный, словно стекло.

– Тут бассейн есть? – не замечаю, как произношу вслух.

Никогда не бывала в домах с собственным бассейном. Но мечтала о чем-то подобном, особенно в летнее пекло, как сейчас.

Провожу рукой по шее, смахивая испарину. Жарко. Вот бы окунуться в прохладную воду...

– Не положено. Только для хозяев, – мгновенно возвращает меня на землю охранник. Напоминает, где мое место.

Впрочем, зачем мне бассейн? Его чистить сложно. И вода жесткая, с хлоркой. Моим волосам точно придет конец.

– Да я и не собиралась, – обиженно бубню. – Я вообще и плавать не умею, – добавляю, чтобы у качка сомнений не осталось в том, что я не намерена покушаться на «святую купель» богачей.

Удивляюсь, когда он распахивает дверь передо мной, словно в знак извинения за резкое замечание. И переступаю порог дома.

- Вы чуть не опоздали, - вместо приветствия летит в меня хлесткая фраза.

Навстречу мне нервно шагает высокая, статная женщина в брючном костюме цвета слоновой кости. На вид ей лет пятьдесят, хотя выглядит она шикарно. Идеальная фигура, слой макияжа, скрывающий любые изъяны, украшения из натурального золота - все это придает образу благородства и роскоши.

Я теряюсь на фоне хозяйки дома. Кроме бесполезной молодости, от которой одни проблемы, у меня нет ничего. Я лишь серый мышонок с копной кудряшек, собранных в хвост.

Вздыхаю тяжело, понимая, что так женственно и красиво мне не выглядеть никогда. Хотела на свадьбе немного принцессой себя почувствовать, но в итоге бегу сломя голову от навязанного «принца». Невезучая.

- Забыла, как вас зовут? - прищуривается хозяйка, сжимая тонкие губы и сканируя меня темным взглядом. Напоминает она мне кого-то. Я напрягаю извилины, лихорадочно восстанавливаю все знакомые лица в сознании, но именно это так и не нахожу. Показалось?

- Лера, - выпаливаю машинально.

- Странно, у меня как-то иначе в голове отложилось, когда вы по телефону представились, - тянет с подозрением. - Мягче, что ли.

Черт! Ведь с ней договаривалась Стася! Еще до того, как мне контакты передала.

- Леся? - выкручиваюсь, как могу. На помощь приходит имя, которым меня бабушка звала ласково. И хоть такая непривычная форма не прижилась, потому что мама была против, но сегодня пригодилась. Она созвучна со Стасей.

- Да, точно, - щелкает пальчиками женщина, к которой я понятия не имею, как обращаться. Позже выясню аккуратно. - Образование?

- Учитель младших классов, - мгновенно отзываюсь.

– Рекомендации? – протягивает руку.

Достаю из рюкзака смятые бумаги, которые дала мне подруга. Она тщательно готовилась к этому собеседованию, но не пожалела отдать мне свое желанное место.

– У меня небольшой опыт работы в школе, – тихонько лгу я, хотя даже на практике не была. Зато сколько времени я в детстве провела в учительской вместе с мамой, пока ждала ее после уроков и делала там домашнее задание.

– Вы нам подходите, – чересчур быстро соглашается хозяйка. Пролистав бумаги, но не вчитываясь, возвращает их мне. – Алена, – выкрикивает куда-то вверх.

– Да, мама Майя? – с лестницы, ведущей на второй этаж, спускается девочка в легком синем платице.

Порхает к нам, улыбается лучезарно, заставляя меня тоже потянуть уголки губ вверх.

Малышка становится рядом с мамой, и я сравниваю их невольно. Светловолосая Аленка, с пушистыми кудряшками, огромными зелеными глазами и пухлыми губками выглядит чужой рядом со жгучей брюнеткой Майей. Наверное, дочка в отца внешностью пошла.

– Ваша задача – постоянно находиться рядом с Аленой, а также заниматься с ней. Упор мы сейчас делаем на математику, так как в школе были проблемы, – сделав паузу, она поглаживает ладонью по светлой макушке дочери. – Нужно подтянуть за лето. И, конечно же, список литературы. Пока что нами прочитана лишь одна книга, да и та не до конца, – укоризненно смотрит на малышку, а она смущенно опускает ресницы.

Какая же прелесть! Да я лично буду ей читать. На ночь.

– Распорядок дня держите, – вручает мне блокнот. – Готовить еду и убираться в доме есть кому. Вы отвечаете только за Аленку, – еще раз повторяет. А я киваю поспешно. – Мне нужно уехать прямо сейчас по делам, так что приступайте к работе.

Глава 7

Божечки, да это ведь должность мечты! Ничего по дому делать не нужно, жить буду в отдельной уютной комнате, смежной с детской, питаться за чужой счет, а за это мне еще и платить будут. Не понимаю, почему подруга Стаси отказалась. Чересчур ленивая, наверное.

Майя прощается и буквально сбегает из дома. Я же с улыбкой подмигиваю подопечной.

– Ну что, Рапунцель, познакомимся перед занятиями? – наклонившись, перебираю пальчиками шелковистые волосы, что доходят ей до пояса. Если бы не подскочившие кудряшки, то еще длиннее оказались бы. – У тебя такой список огромный, – открываю блокнот, но тут же захлопываю, испугавшись кучи пунктов. – Думаю, трудиться мы начнем через полчаса, а пока давай просто чай вместе попьем. С чем-то вкусненьким. Что ты любишь? – решаю зайти с козырей.

Ни один ребенок от сладкого не откажется! Как и нарушить график! Сделаю ей несколько поблажек, чтобы расположить к себе, а когда она ко мне привыкнет, я...

– Меня зовут Алена Ильинична, – внезапно прекрасная принцесса превращается в ледяную королеву. И мой выстроенный план осыпается, как карточный домик. – Пока мамы Майи нет, займитесь своими делами, как другие няньки. Только с охранниками не целуйтесь, – морщится и передергивает миниатюрными, будто игрушечными, плечиками. Кривлюсь и я, дублируя ее, словно отражение в зеркале. Еще не хватало, чтобы какой-нибудь из этих амбалов меня... Фу-у!

Распахиваю рот, чтобы возмутиться и заодно показать, кто в этом доме старший, в конце концов! Но малявка палец вверх поднимает, приказывая мне затихнуть.

– Я пойду поиграю. И лучше вам мне не мешать, – добавляет с налетом угрозы.

Взмахивает рукой в направлении выделенной мне комнаты, словно собаку в будку отправляет, а сама невозмутимо идет к себе. Закрывается в детской. Через пару секунд слышу звук включенного телевизора.

- Что? – только и могу выдавить из себя я, шокировано хватая ртом воздух.

Какая вредная, избалованная малышка. Вседозволенность и богатство, видимо, испортили ее. Ну ничего! Исправим! Если она решила бросить мне вызов, я его принимаю!

Фыркнув, следую туда, где только что спряталась моя подопечная. Без стука толкаю дверь, окидываю взглядом комнату, выполненную в розовых тонах. И нахожу Аленку на полу. Сидит возле приставки «Денди», выбирает из горы картриджей нужный, засовывает его в слот – и запускает игру.

Меня полностью игнорирует, будто я – пустое место. Алена всецело погружается в виртуальный мир. И не реагирует ни на один мой оклик. По черно-белому экрану скачет маленький человечек, залезая в трубы, а я закипаю от негодования.

Зыркаю на приставку, но понятия не имею, как ее поставить на паузу или отключить. У меня в детстве такой штуки не было. Психанув, фурией лечу к розетке и рывком вытягиваю тройник со всеми вилками.

Экран гаснет, игровые сигналы обрываются, а Аленка подскакивает на ноги.

- Вы что наделали? Марио не сохраняется! – топает капризно. – Мне теперь заново с первого зала проходить.

Ее слова мне ни о чем не говорят. Они как белый шум.

- Нет, Алена Ильинична, вы будете делать то, что положено, – строго чеканю, складывая руки на груди. – И сейчас у нас по плану математика, – слегка тушуюсь под зеленым искрами, что стреляют в меня из гневно суженных глаз. – Раз уж от чая вы отказались... – развожу руками. – Не хотите по-хорошему, садитесь за стол.

Секундная заминка – и по лицу Алены расплывается ехидная ухмылка.

Девочка нехотя плетется к рабочему месту, занимает кресло и складывает руки на деревянной поверхности. Как примерная школьница.

Ликую, радуясь своей победе. Но не учитываю, что «противник» всего лишь перераспределяет силы, чтобы напасть позже.

– Итак, задача... – расслабившись, сажусь рядом. И вникаю в условие.

У меня небогатый опыт обучения детей, но какой никакой все же имеется. В конце концов, я на братишке тренировалась. Развивала свои педагогические способности – и довольно успешно. Полностью его к школе в свое время подготовила.

Но заниматься с Аленкой – как биться лбом о бетонную стену. Спустя полчаса моя голова раскалывается от боли, а ей хоть бы хны. Сидит невозмутимо, качает ногой, то и дело касаясь пяткой стула и высекая глухой звук, который эхом отдается в моих ноющих висках. И в учебник пустым взглядом смотрит.

– Давай так, – закрываю книгу и откладываю на край стола. Беру коробку с цветными карандашами, отделяю пять штук. – Смотри, было пять, – раскладываю на столе, считая, указывая пальцем, а потом убираю один. – Отняли один. Сколько осталось? – киваю на наш наглядный материал. – Посчитай.

– Не знаю, – пожимает плечиками Алена и опять бьет по деревянной ножке. – Сколько? – бросает, не глядя на меня. И хорошо, что она не видит, как я зажмуриваюсь обреченно, пытаюсь загасить эмоции, и карандаш в руке сдавливаю, едва не ломая.

– Че-ты-ре, – цежу сквозь натянутую улыбку.

Призываю все свои внутренние силы, чтобы успокоиться. Мне необходимо выяснить, действительно ли Аленка не умеет считать или намеренно испытывает меня на прочность. Если специально, то зря – я очень вспыльчивый по жизни человек. Мне и мама всегда говорила, что я не смогу с детьми

работать, имея такой характер. Но я мечтала пойти по стопам родителей – и упертость, за которую они тоже меня ругали, привела меня в этот город.

Но если у Алены проблемы, тогда я обязана помочь ей!

Всматриваюсь в равнодушное личико малышки. Наблюдаю, как она сжимает губы, и тянусь ладонью к ее волнистым локонам, но вовремя осекаю себя. Девочка оттолкнет меня, если поглажу. Не примет ласки от чужой тети.

– Ну, четыре так четыре, – очередной стук ногой добивает меня. Не знаю, как стул выдерживает. Но я на грани.

Поднимаюсь со своего места, складываю руки на груди. Делаю глубокий вдох.

– Может, все-таки чай? – предлагаю жалобным тоном.

Нам обеим нужен отдых. И контакт! Но пока я не знаю, с какой стороны к Аленке подступить. Она будто стеной себя крепостной оградил. Ров вырыла вокруг и чан с кипящим маслом для незваных гостей подготовила. А я как раз из них. Меня малышка не ждала. Как и любую другую няню, которая потом с охранниками здесь целуется.

– Я хочу сок, – после паузы заявляет Алена. И окидывает меня сказочным изумрудным взглядом. Невольно улыбаюсь ей в ответ. – Вишневый. Красный такой, – приподнимает уголки губ.

Сдалась? Или что-то задумала?

– Идем вместе на кухню, – протягиваю ей руку, и она на удивление охотно вкладывает свою ладошку в мою.

Глава 8

Аленка послушно садится за круглый стол, упирается локотками в его глянцевую поверхность и подбородок на руки укладывает. Точно как персонаж из старой доброй сказки. Косыночки не хватает. Однако образ обманчив, в чем я успела убедиться.

С прищуром взглянув на этого «милого ангелочка», я направляюсь к холодильнику. Распахиваю и замираю, теряясь среди разнообразия продуктов.

– Я сделаю нам бутерброды, Рапунцель, – все-таки срываюсь на нежность, за что мне в спину летит недовольный кашель. Проигнорировать возмущение малышки, я беру палку вареной колбасы и проверяю срок годности.

– Я вегетарианка, – заявляет Аленка, и я оглядываюсь.

Изучаю ее с подозрением, а она и кривится, изображая тошноту. Спешу спрятать колбасу вглубь полки, а желудок предательски урчит. Я с самого утра ничего не ела. Бега от мужа забрали у меня все время и высосали последние силы. И мне бы сейчас не помешало что-то мясное и питательное. Я вообще люблю вкусно поесть. Но ради малышки я готова перекроить свое меню. Достāju фруктовый джем, нахожу вишневый сок – и несу все к кухонной стойке.

Поджарив кусочки хлеба на подсолнечном масле, намазываю их вареньем. Аккуратно раскладываю нехитрый полдник на тарелке, наполняю соком два стакана – и ставлю все на небольшой поднос, на который указывает мне маленькая хозяйка. Хочет, чтобы я прислуживала ей? Без проблем! Я с удовольствием ухаживала за братом, но и его приучила помогать мне.

Мне просто нужно время, чтобы перевоспитать Аленку, но...

– Так, готово, – радостно выдаю я и разворачиваюсь.

Не успеваю сделать шаг, как вздрагиваю от осязаемого толчка. Руки не слушаются, а поднос летит прямо в меня. Зажмуриваюсь, слыша звон стекла и чувствуя, как намокает мое легкое платье, а сладкое варенье прилипает к ткани.

Приоткрыв один глаз, вижу перед собой Аленку. Как она умудрилась так незаметно рядом оказаться? Маленькая ниндзя!

Так еще и успела отскочить вовремя, чтобы не испачкаться. Ее воздушное платьице по-прежнему идеально. В отличие от мокрой, липкой тряпки на мне.

– Я ненароком, – Алена невинно хлопает ресничками, пока я сжимаю и разжимаю кулаки, а розовые капли стекают на пол. – Наверное, вам теперь нужно принять душ и переодеться. Напомнить, где ваша комната? – показывает белоснежные зубки, раскретив свои намерения. Она изначально хотела избавиться от моего общества и придумала коварный способ, как это сделать. – А я пока к себе пойду.

Топчется на месте, намереваясь покинуть кухню, а я с ужасом смотрю на разбросанные по полу осколки. Перевожу взгляд с лужи на босые ножки Аленки. Наплевав на то, что сама могу пострадать, делаю рывок к девочке, подхватываю ее на руки и несу к столу.

– Не поранилась? – вскрикиваю взволнованно, а малышка удивленно ресницами хлопает. – Садись и не двигайся, – опускаю на стул.

Осмотрев крохотные ступни и не обнаружив порезов, выдыхаю с облегчением. Но тут же морщусь от неприятной боли. В панике я все-таки сама наступила на осколок, что прорвал ткань домашних носков и царапнул кожу.

Подаю малышке тапки, которые она под столом оставила. Видимо, чтобы подобраться ко мне бесшумно.

Выпрямившись, провожу руками по несчастному платью.

– Ничего страшного, – подмигиваю Аленке, вызывая еще большее недоумение на нежном личике. – Лето, жара. Само высохнет, – опускаюсь за подносом, собираю в него разбитое стекло. – А вам, Алена Ильинична, я приготовлю новые бутерброды, – улыбаюсь сквозь стиснутые зубы. – Но сначала уберу это, – с грустью гипнотизирую красную лужу.

Терпеть не могу мыть полы, однако нахожу тряпку и наклоняюсь, руками собирая влагу. Поза абсолютно неудобная, но швабру искать некогда. До последнего надеюсь, никто не застанет меня в хозяйской кухне попой кверху.

Мы ведь остались вдвоем с Аленкой в доме?

Или нет?

– Привет, родная, ты одна? – грубый мужской голос звучит контрастно ласково. Так мило, бархатно, с любовью, что я забываюсь и улыбаюсь, как дурочка, хоть фраза адресована и не мне.

Машинально продолжаю вытирать пол, прислушиваясь к шорохам за спиной. И не сразу вникаю в суть вопроса.

Что значит – одна? А я для него пустое место?

– А это что? – добивает он меня пренебрежительным отношением.

Собираюсь выпрямиться, гордо вздернуть подбородок и представиться, но стук подошв об пол дезориентирует меня. Тяжелые шаги неумолимо приближаются, угрожающе наступают на меня.

Моя пораненная нога дает о себе знать, не вовремя отвлекая острой болью. Вместо того, чтобы встать, я покачиваюсь и вдруг упираюсь попкой во что-то. Чересчур резко и ощутимо, будто меня толкнули сзади.

Судя по ощущениям, я явно не об край стола ударилась. А руки на талии и приглушенное «хм» подтверждают мои худшие опасения.

Это ведь не один из амбалов – любителей целоваться с нянями? Если так, то не на ту нарвался!

Сжав мокрую тряпку в одной руке, я резко поднимаюсь на ноги и разворачиваюсь, прокрутившись в крепких, наглых объятиях.

– Я вообще-то... – дерзко начинаю, предупреждаяще выжимая влагу из моего «оружия», и замахиваюсь.

Но слова застревают в горле.

– ...пропала, – двигаю губами, а ни звука выдавить из себя не могу.

Приоткрываю рот, не в силах сделать вдох, и стремительно погружаюсь в темную бездну, заполненную кипящей нефтью. Она обволакивает, поглощает, утаскивает в свою пучину. Проникает в нос, горло, легкие. Заполняет всю меня и душит изнутри.

Снаружи – ничуть не лучше! Стальные тиски сдавливают талию, грубые пальцы врезаются в кожу. Мощное тело обдает жаром, и небольшое расстояние между нами не спасает. Взгляд скользит по моему лицу, гладит каждую черточку, опасно вспыхивает при этом.

Задерживаю дыхание.

Неужели попалась?

Не может быть! Как ОН нашел меня?

А что если мне привиделось от страха? И на самом деле рядом со мной всего лишь амбал из охраны. Лучше бы так и было. Я бы просто зарядила ему тряпкой по морде – и сбежала.

Но от этого мужчины не скрыться. Мой главный ночной кошмар последних дней догнал меня наяву.

Часто моргаю, но галлюцинация не исчезает. Наоборот, прижимается вплотную, безжалостно сдавливает в объятиях, дышит тяжелее.

– Что? – черные брови сходятся на переносице, а в глазах плещется интерес вперемешку с недоумением.

Пока мозг пытается выйти из глубокой заморозки и проанализировать вопрос, непослушная рука с тряпкой все-таки опять поднимается. Зажмуриваюсь, чтобы не так страшно было принимать мученическую смерть после того, как я с размаха ударю... собственного мужа.

– Так кто вы?

– Прислуга, – доносится ехидный детский голосок, и я резко опускаю руку, взмахнув буквально в паре сантиметров от грубого мужского лица.

Испуганно бросаю тряпку и морщусь от противного шлепка. Ногой «орудие преступления» двигаю как можно дальше от себя, будто не мне оно принадлежит, а меня саму подставили!

Невинно взмахиваю ресницами, впитывая реакцию Альберта. Он не выглядит злым. Скорее, задумчивым. Следит за каждым моим движением, косится на тряпку, а потом смотрит на меня с неподдельным удивлением.

– Новенькая? – ровным тоном уточняет Туманов. Хоть на свободу мою он не покушается, но из объятий выпустить не торопится.

С ума сойти! Муж не узнал собственную жену!

Рычал на меня в ЗАГСе, осматривал и даже... целовал. А стоило «умыться», как он мгновенно меня забыл. Нет, я в курсе, что мужчины невнимательны к женским преображениям и не замечают всяких штучек вроде новой прически или другой сумочки. Но я не предполагала, что Альберту настолько плевать на меня. Это должно радовать, но почему-то злит невероятно!

– Я няня, – бурчу обиженно, стрельнув взглядом в Аленку. Но она стойко выдерживает короткий зрительный контакт и спинку выпрямляет.

Мне так горько становится, что на мгновение забываю, в чьих руках нахожусь. Сжимаю губы и отворачиваюсь от подопечной. За что она так со мной? Я ведь стараюсь быть нормальной няней...

– Я сколько раз говорил не называть так людей, которые у нас работают, – неожиданно произносит Альберт, выпуская меня из капкана.

– Но ведь мама Майя... – пытается воспротивиться малышка.

– Не страшно, – защищаю мелкую занозу, несмотря ни на что. И чувствую на себе ее внимательный взгляд.

– Извинись, Аленушка, – добавляет Альберт спокойно, но безапелляционно.

– Прошу прощения, – шепчет она.

Примирительно улыбаюсь девочке, но она опускает взгляд. Пальчиком ковыряет поверхность стола и ножкой болтает. Нервничает опять, как тогда – в комнате за учебником математики.

Смягчившись, я возвращаюсь к Альберту. Иначе воспринимаю богатого бандюгана после его слов. Все-таки есть в нем капелька уважения к простым людям вроде меня.

– А ты... – бросает он внезапно охладевшим тоном, стирая улыбку с моего лица. – Кофе мне сделай, – хлестким приказом мгновенно уничтожает весь флер доброты и галантности, которым я его по наивности поспешила наградить.

Мрачнею, но заставляю себя кивнуть. Подхватив по пути тряпку, кидаю ее в таз, а сама иду мыть руки. От шока и переживаний почти не реагирую на неприятную резь в ступне. Лишь быстрый взгляд на пол бросаю, убедившись, что не оставляю кровавых следов или их просто не видно на бордовой плитке с узором в виде морской пены. Красное море под ногами, зато практично: мусор и пятна теряются на неоднородном фоне.

– Меня не предупредили, что вам тоже нянька нужна, – бубню я себе под нос, уверенная, что Альберт не слышит.

Не рискую задавать лишние вопросы забывчивому мужу, поэтому молча распахиваю дверцы всех кухонных шкафчиков в поисках турки. Замечаю ее в глубине одной из верхних полок.

– В договоре прописан один подопечный, – тянусь за нужной посудой, но рост не позволяет ее достать.

Знакомое тепло припечатывает меня со спины.

– Ты что-то сказала? – горячий воздух обжигает макушку.

Боковым зрением заторможено наблюдаю, как мимо меня к шкафу протягивается мужская рука. Рассматриваю напряженные мышцы, что проступают под смятым хлопком, спускаюсь к месту, где небрежно закатан рукав. Изучаю предплечье с выпуклыми жилами и порослью темных волос.

Чересчур шумно выдыхаю, отшатываюсь от столешницы и упираюсь поясницей в жесткий ремень брюк. Пряжка царапает спину сквозь невесомую ткань платья.

– Говорю, вам кофе с сахаром или молоком? – оборачиваюсь и нервно сглатываю. Потому что оказываюсь лицом к лицу с Альбертом. Почти физически ощущаю, как он «трогает» меня взглядом. И не только... Его свободная ладонь как бы невзначай ложится мне на бедро.

– Черный и горький, – выдает он негромко, с едва заметной хрипотцой.

А в следующую секунду между нами материализуется турка. Так неожиданно, что я вздрагиваю. Можно бы списать это на фокус или волшебство, но Туманов всего лишь помог мне ее достать.

– Я быстренько, – хихикаю, внутренне погибая от волнения.

Становится чуть легче только когда Альберт отходит от меня. Пока я беру банку с молотым кофе и наслаждаюсь запахом арабики, он невозмутимо открывает холодильник. В точности, как и я некоторое время назад, выбирает ту же палку колбасы.

Сам нарезает ее вместо того чтобы мне указ дать, а я невольно опять задерживаюсь на его руках. Вены напрягаются при каждом движении, мускулы играют, а костяшки белеют, когда ладонь сжимает нож. Зрелище завораживает и одновременно пугает. Альберт ведь этими мощными руками в секунду меня

придушит, если поймет, кто перед ним!

Но сейчас ему не до меня. С мужской небрежностью Туманов мастерит бутерброды, будто обычный человек, который пришел с работы после тяжелого трудового дня и хочет быстро перекусить. При этом привык заботиться о себе сам, а не ждать, пока кто-то будет за ним ухаживать.

Заядлый холостяк. Правда, со штампом в паспорте.

– Нет, – обеспокоенно лепечу, когда он ставит тарелку напротив Аленки. – Она же...

Малышка посылает Туманову благодарную улыбку, счастливая от оказанного знака внимания, и берет бутерброд. Откусывает и жует с удовольствием.

– ...вегетарианка, – заканчиваю фразу я по инерции. И отмахиваюсь от вопросительного взгляда Альберта.

Мелкая лгунья!

Поворачиваюсь к плите, гипнотизирую черную жидкость в турке. Жду, пока поднимется пенка, а сама теряюсь в собственных эмоциях.

Я надеялась спрятаться в этом доме, а теперь опять придется бежать. Но куда?

– Извини, я не сразу заметил тебя под столом. И, честно говоря, забыл, что именно сегодня должна прибыть очередная няня. Слишком часто они у нас меняются, – негромкий, бархатный голос заставляет меня вздрогнуть и вцепиться пальцами в край столешницы. – Что произошло у вас?

Альберт не ругает и не приказывает, но его присутствия достаточно, чтобы я покрылась липкими мурашками. Пытаюсь сбросить их с себя, но не могу. Пока не осознаю, что дело не в них, а все это время по мне скользит изучающий черный взгляд. От волнения забываю обо всем: и о кофе, и о мокром платье, и о подопечной, которая меня ненавидит. Есть только темная энергетика моего мужа, которая поглощает меня без остатка.

Ноги ноют, требуя бежать немедленно. Быстро. Далеко. Без оглядки. Но здравый смысл останавливает. Возвращает мне способность говорить.

– Я поднос уронила, – оглядываюсь на Аленку, а она губы покусывает и на Туманова зыркает. – Случайно, – укоризненно прищуриваюсь, пытаюсь воззвать к ее совести.

Альберт не сводит с меня глаз, и его внимание дезориентирует. Знаю, что он продолжает смотреть, когда я отворачиваюсь к плите. Чувствую его. И дико боюсь, что муж все-таки меня вспомнит.

Выдыхаю с облегчением, когда Туманов отвлекается на трель телефона и выходит в коридор. Но радость моя длится недолго.

– Нашли?

Всего одно слово – и я понимаю, о ком он. А раздраженный, ледяной тон не оставляет сомнений в том, насколько сильно Альберт зол на меня.

Отвлекаюсь от кофе, который закипает целую вечность, и прислушиваюсь к разговору.

– А в доме родителей? – летит с жесткими нотками. – То есть как никого? Где бродит эта... – сдерживается от грубости и понижает тон, чтобы Аленка не слышала.

Пока малышка занята бутербродами, я подбираюсь к дверному проему. Становлюсь так, чтобы Альберт меня не заметил, но я могла разобрать каждое слово, произнесенное гневным шепотом.

– Оставь там человека. Еще двоих отправь к девчонке той и в общежитие. Пусть дежурят, мать их, днем и ночью, – рычит угрожающе, а я морщусь и обхватываю себя руками. – Ментам позвони. Пусть отлавливают и проверяют всех Валерий Кузнецовых, – говорит так, будто я бешеная собака, которую следует усыпить. – На случай, если она вздумает подать на развод с разделом имущества. Или решит уехать по паспорту. Или предъявит его при приеме на работу. Или просто где-то промелькнет это чертовое имя! Сразу ко мне! – рычит грозно, как тигр,

готовый разорвать меня в клочья. – Каждую! Даже если однофамилицей окажется. Оплачу ей моральный ущерб, – цинично хмыкает Туманов.

– Леся? – зовет меня Аленка, но я слишком погружена в омут собственной паники.

Альберт серьезно взялся за мои поиски. Мне так легко не спрятаться. Нужен поддельный паспорт. Новая личность.

Но как? Я мелкая мошка против этого демона. И помочь мне некому. Павлик предал, родители далеко, да и не хочу втягивать их в свои проблемы. Во-первых, никогда не буду рисковать дорогими мне людьми. А во-вторых... Многое им объяснять придется. Например, как и зачем я вообще пошла замуж. Без упоминания ненавистного ими Павлика никак не обойтись. В таком случае они прибьют меня раньше Альберта...

– И поторопитесь. Я за что такие бабки службе охраны плачу? Толпа мужиков мелкую пигалицу найти не могут! – рявкает сурово. – Из-под земли, блин, достаньте. Она мне нужна еще вчера! – икаю от каждого его рыка. – Работайте, мать вашу! Пора покончить с этим браком, – убивает меня финальной фразой. И, уверена, с удовольствием сделает это физически. Как только поймает.

Мамочки! А я ведь тут. В его доме! Под боком. Руку протянул – и шею мне свернул.

Почему я такая невезучая? Сама пришла в логово чудовища.

– Леся! Кипит! – пищит Аленка, и я подпрыгиваю на месте.

Вскрикнув, бегу к плите, но не различаю ничего вокруг сквозь пелену слез. Плевать на дурацкий кофе! Я, можно сказать, свои последние дни проживаю. И шанса на спасение нет – все пути отступления отрезаны.

– Да что такое! – грохочет позади, а я вжимаю голову в плечи, становясь похожей на испуганного утенка, и зажмуриваюсь. – Не ошпарилась?

Альберт оказывается совсем рядом, горячо выдыхает мне в висок и отталкивает меня от плиты.

– Н-неа, – сипло выдаю и шумно вбираю носом воздух. Аромат кофейных зерен смешивается с запахом моего мужа. Знакомым и пугающим.

– Ясно все с тобой, – выключив конфорку, Альберт отставляет грязную турку вглубь. – Кофе варить не умеешь, подносы роняешь. Пожалуй, тебе нечего делать...

– В вашем доме? – подсказываю с надеждой и украдкой смотрю на него исподлобья, пытаюсь считать эмоции на мрачном лице. Судя по тому, что я вижу, ничего доброго мне не светит. – Так я уволена? – уточняю, потупив взгляд.

Глава 9

Альберт

Выгнать на хрен! Вернуть обратно в шарашкину контору!

Закипаю, как идиотский кофе, и взрываюсь, но машинально отстраняю нянюку от плиты и осторожно убираю турку как можно дальше. Несмотря на бурлящий в венах гнев, стараюсь контролировать силы. Новенькая выглядит такой хрупкой, что кажется, стоит немного переусердствовать, как она отлетит, словно перышко, и рассыплется по пути.

И где ее такую мелкую мама нашла? Я понимаю, что выбирать нам особо не приходится. Никто не задерживается у нас дольше трех дней. Аленушка расправляется и с опытными педагогами на пенсии, и с молодыми бойкими училками, и даже с прожженными хабалками. Впрочем, последним я тоже бы придал ускорения. Какой бы несносной и хитрой не была моя сестренка, но орать на нее никому не позволю. Получаешь деньги – исполняй обязанности адекватно. Не можешь – выметайся!

Оценивающим взглядом провожу по миниатюрной фигурке няни. Морщусь, цепляясь за яркие аляпистые цветы на ее коротеньком платице. Она в этом дешевом, несуразном тряпье выглядит как школьница. Но я точно знаю, что мать тщательно проверяет документы соискательниц – и не взяла бы несовершеннолетнюю на работу. Часть персонала у нас и так официально не трудоустроена, так что лишние проблемы с законом нам ни к чему.

Тяжело вздыхаю, еще раз сканирую няньку и останавливаюсь на ее кукольном лице. Никакой косметики, лишь естественно розовые щеки, видимо, от волнения вспыхнувшие. Губы бантиком, отчего она кажется еще младше. И глаза... Насыщенно синие, огромные, которые округлились от страха. Почему-то смутно знакомые. Но не успеваю всмотреться в их океанскую бездну, как ее взгляд опускается. Скромно так, растерянно и мило.

А на лоб падают непослушные черные кудряшки. Почти поднимаю руку, чтобы смахнуть их или подцепить пальцами, скрутив спиральки, но вовремя останавливаю себя.

Вдруг напугаю. Она и так дрожит вся.

Да уж, девочка. Тебе я и трех дней не дам. Ночью сбежишь от нашей проказницы.

А жаль...

– Я уволена? – лепечет она. Станным тоном, будто просит.

Я же по-прежнему погружен в свои проблемы.

– Именно уволить, – разговариваю сам с собой. – Отличная мысль.

Всех к черту! Вернуть туда, где я их нашел и нанял на свою голову.

Бездари!

Одна брачная аферистка умыла толпу амбалов! Обвела вокруг пальца и смылась, бросив концы в воду. Вот так действует профессиональная охрана?

Я обязан заполучить свою жену прежде, чем на нее выйдут те странные люди в черных мерседесах. Выяснить все, наказать, но... ни в коем случае не отдать им. Слишком подозрительные. И вид бандитский. В отличие от меня, не станут с пигалицей церемониться.

Дура! Не соображает, как рискует. И не понимает, что я меньшее из зол.

Одна надежда, что подруга с ней свяжется, передаст мои контакты или хотя бы предупредит об опасности. Хотя если вспомнить, с какой паникой она смотрела на меня, вряд ли можно рассчитывать, что поверила мне.

– Я пойду вещи соберу? – пробивается сквозь шум тонкий дрожащий голос. С трудом заставляю себя вникнуть в вопрос.

– Какие? Зачем? – хмурю брови, отступаю назад, чтобы не смущать девочку своей близостью.

– Алик, ты ее уволишь? Так быстро? – спохватывается Алenuшка.

Впервые слышу взволнованные нотки в голосе маленькой занозы. Неужели понравилась нянька? Мне тоже...

– Через пять минут меня здесь не будет, – бодро отзывается она, а у самой глаза поблескивают от слез. Нижняя губа поджимается.

Новенькая храбрится внешне, но я чувствую, что ее зацепили и обидели проделки Алены. Не смогла остаться равнодушной. И поэтому, когда она собирается пройти мимо меня, я перехватываю ее, выставив руку. Ладонь упирается в плоский животик, непроизвольно сжимается, комкая липкую ткань.

– Стоять, – приказ вылетает прежде, чем я успеваю подобрать правильные слова. – А ты почему мокрая? – отвлекаюсь на цветастое платье.

Взгляд скользит по аккуратной груди, коварно задерживается на оторвавшейся пуговке и оттопыренному краю, чуть ли не ныряет в декольте, но я заставляю себя переключиться на юбку. Из-за дурацкого принта я и не заметил красноватые разводы, которые слились с рисунком.

Веду ладонью вниз по животу, ощупывая ткань, плотно облепившую упругое тело, а заодно и чувствую жар кожи под ней. Девочка напрягается, затаив дыхание. Боится, что приставать начну, но я лишь стискиваю край юбки. Несколько капель влаги падают на кафель.

Да она мокрая вся, хоть выжимай! И молчит.

- Ну, так я же... - нянька кивает на пол, где остались следы от разлитого сока.

Начинаю сомневаться, что она случайно поднос уронила. Почему на себя? Скорее, это кое-чья спланированная акция. Осуждающе зыркаю на Алenuшку, и она без слов улавливает мой упрек, виновато улыбается и косится на свою очередную «жертву». Но та целиком сосредоточена на мне и моей руке на ее платье.

- Тебе нечего делать на кухне, - наконец, объясняю я. - Готовить еду к нам приходит повар, а это... - указываю на многострадальную плитку, - есть кому убрать. Не твоя задача полы вымывать, - мозг предательски подкидывает картинку внезапно возникшей из-за стола попки. Отгоняю их прочь. - Ты сейчас пойдешь и переоденешься, - нехотя убираю ладонь и пропускаю няньку к двери. - И займешься своими непосредственными обязанностями. График Алены тебе передали?

- Да-да-да, - лихорадочно головой качает, отчего кудряшки смешно подпрыгивают. Они настоящие вообще? Выглядят так, будто девочка всю ночь на бигудях спала.

- Вот и приступай, - строго подытоживаю.

Видимо, зря голос повышаю, потому что она вылетает из кухни, как пробка из бутылки взболтанного шампанского.

Смотрю ей вслед. Не сбежит же? Или проследить?

Хотя было бы странно врываться в комнату няни, пока та переодевается. И наблюдать за ней, как надзиратель.

– Алик, не выгоняй ее пока, – шепчет мне Аленка тихо, чтобы нянька не слышала. – Я решила поиграть с ней немного.

– Так, Алена Ильинична, – двигаю стул и сажусь напротив неё. Нас разделяет круглый стол, но мне нужен зрительный контакт. Чтобы убедительнее звучала моя речь. – Чтобы я не слышал от тебя больше подобного, – хмурюсь, и Аленка сводит бровки в ответ. – Прекрати изводить няnek. Они не игрушки! Не забывай, что каждая из них – это живой человек...

– Которому на меня плевать! – дует губки и руки перед собой складывает, закрываясь. – Как и всем остальным в этом доме, – добивает меня контрольным выстрелом.

Внешне стараюсь сохранять строгий образ, но в груди все переворачивается. Я ведь знаю, почему Аленушка такая колючая. Почему привлекает к себе внимание своими шалостями. Почему не может до конца довериться нам.

Ее детское сердце однажды испытало острую боль – и до сих пор не исцелилось.

Так что я прощаю ей многое, жалею, балую, как собственную дочь, пока отец с головой ушел в бизнес, а мать не знает, с какой стороны к маленькому ёжику подступиться. И перекладывает все обязанности по ее воспитанию на няnek. Это чертовски неправильно, но мы правда не справляемся.

– Глупости, – протягиваю руку через стол и ловлю Аленкину ладонь. Сжимаю, пальцем поглаживая тыльную сторону. – Мне ведь не плевать, – подмигиваю малышке и выдавливаю из себя скупую улыбку.

Я привык быть суровым и строгим, ни с кем не любезничать, а сыпать приказами, ведь люди понимают только язык власти и денег. Но ребенок – мое слабое место. И я пытаюсь быть другим с Аленкой. Аккуратнее, мягче. Меняюсь, подстраиваясь под сестренку, чтобы ей было легче и комфортнее здесь.

Но получается с переменным успехом. Хреново, если говорить на чистоту.

– Ты уедешь с женой за границу и оставишь меня, – фыркает она и ладошку дергает, но я не отпускаю ее. – Значит, тоже плевать, – постановляет с обидой.

– С чего ты взяла? – изгибаю бровь.

Искренне не понимаю, откуда в этой светлой кудрявой головке такие странные мысли. В ближайшее время я не собираюсь никуда из России. Мне нужно издательство развивать и расширять. Я и Валерию сразу предупредил, чтобы перебиралась на родину на ПМЖ. Сразу же после свадьбы и короткого медового месяца, так уж и быть, в Европе. Впрочем, после недавних событий и первое, и второе откладывается на неопределенный срок.

Из-за сбежавшей жены. Пигалицы, которая нарушила мои планы. И обязательно поплатится за это.

– Ведьма сказала, что ты будешь жить с ней, – выпаливает Аленка как на духу. – И рано или поздно она убедит тебя улететь.

– Не называй так Валерию, – цокаю недовольно.

А мысленно посылаю Лере проклятия. Все в моей почти жене прекрасно: внешность, фигура, манеры, порода, приданое, в конце концов. Она соответствует мне по целому списку параметров. Но язык ее можно смело отправлять в утиль. Да и мозги туда же.

Додумалась же при моей малышке какими-то планами на будущее делиться. Убедит она меня, как же! Надо бы напомнить, кто в семье главный. Когда устраню проблему и восстановлю правильную семью...

– Она ведьма, – упрямится Алена и важно откидывается на спинку дивана. – А ты предатель, – припечатывает меня оскорбительным ярлыком.

Я далеко не идеален, но никогда никого не предавал. А малышку и вовсе полюбил. Искренне, всей своей черной душой. Сестренка у меня милая и ранимая, несмотря на то, что несносная язва. Но воспитания ей явно не хватает!

– Алена, ты наказана, – срываюсь я, поднимаясь на ноги. – Марш в свою комнату!

– Из-за нее, да? – тоже встает и дерзко пальчиком тычет. Как взрослая. – Ты ее любишь, а меня нет, – припечатывает меня неожиданным выводом.

Сравнила, маленькая глупышка! Родственные узы и какую-то бабу! Пусть даже жену. Несостоявшуюся. Все равно не то абсолютно.

- Да я вообще не люблю ее, - выпаливаю честно и отмахиваюсь небрежно.

- А зачем женился? - недоверчиво прищуривается Алена.

Она слишком мала, чтобы объяснить ей, как устроена жизнь взрослых. Верит в разные глупости: в бабайку под кроватью, в Деда Мороза, в сказочных принцесс и фей, в любовь... Наверное, я не имею права мелкую разубеждать. Да и не поймет она.

- Потому что так надо, - отвечаю абстрактно.

- Может, не надо? - сузив глазки, Аленка губы нервно кусает. Ждет моего ответа, но я лишь отрицательно качаю головой. Вызываю очередную вспышку детского гнева. - Тогда желаю вам скорее развестись, - вскрикивает она.

Глотая слезы, вылетает из кухни. Я с трудом держу себя в руках, чтобы не рвануть следом и не обнять кроху. И так избаловал ее.

- Развода не будет, - уверенно произношу я, потому что все просчитал.

За эти суматошные дни и бессонные ночи я разработал план, как аккуратно «исправить ошибку» ЗАГСа, и договорился с нужными людьми. Но для претворения моей стратегии в жизнь мне нужно найти сбежавшую жену и вернуть брачный контракт. Я не намерен делить семейные деньги, а особенно свое детище, внесенное в проклятые бумаги, пополам с какой-то мошенницей и ее «крышей».

Я или заставлю ее играть по моим правилам добровольно, или стану вдовцом.

Реагирую на очередной звонок телефона и спешу в коридор за трубкой. Нахожу среди газет на тумбе, где сам же и бросил в гневе. Кошусь на черно-белое фото на первой полосе. Да уж, свадьба года не удалась. Всматриваюсь в изображение мошенницы. Лица не разобрать - она будто специально его прятала от фотографов: то отворачивалась, то жмурилась, то за обсосанными прядями

скрывала. Вот и как не подумать после такого, что она намеренно все провернула? А на снимке, который журналисты выбрали, мы... целуемся. Конечно же, тут тоже ничего не разглядеть, но виноват в этом я, потому что набросился на «жену» и не учел ракурс.

– Альберт, я обдумала все, что ты сказал о нашей испорченной свадьбе... – без прелюдий начинает говорить Валерия в трубку, и я терпеливо жду вердикта. Чувствую себя примерно так же, как на подписании важной сделки с ценным партнером.

Меряю шагами пол и останавливаюсь напротив комнаты няньки. Валерия продолжает что-то вещать, но я внезапно абстрагируюсь, хотя обязан вникать в каждое слово. Ведь от этого зависит будущее сразу двух семей.

Но вместо голоса настоящей жены в ушах звенит шипение девочки, которую я толком не знаю.

– Влипла... – различаю среди потока приглушенных деревянной панелью звуков. Что-то гремит, шуршит, падает. – Как же влипла...

Усмехаюсь произвольно. Верно, с Аленкой шутки плохи. К ней особый подход нужен.

Да, девочка, ты влипла по самые ушки. Не справишься.

Трезво оцениваю силы новенькой – и заочно вычеркиваю ее из списка работников. Надо будет еще одну няньку искать. Скорее всего, уже завтра.

– Гад... – просачивается через не плотно прикрытую дверь. И я подаюсь ближе. – Бандюган!.. – летит с ненавистью, от которой холодок по спине прокатывается. – Вот черт, – звучит совсем другим тоном, растерянным и обреченным.

Не контролируя себя, случайно напирая плечом на дверь, которая послушно и бесшумно отворяется. Через образовавшуюся щель мгновенно нахожу взглядом ее.

Знакомую попку. Почти уже родную, мать ее. Я каждый раз вместо приветствия ее буду видеть?

Пока нянька, наклонившись, копается в своей сумке, я изучаю голубенькие трусики в мелкий горошек. Это ни капли, черт возьми, не сексуально. Но мой организм внезапно со мной не согласен. Становится в стойку. Реагирует на нее.

– Стася не то мне накидала! – выпрямляется девочка резко, демонстрируя себя во всей красе. Правда, только сзади. – Что же надеть?

«Ничего не надо», – так и хочется ответить. И в горле пересыхает, пока взгляд скользит вверх по спинке, безжалостно «разрывает» хитрую застежку такого же неэротичного лифчика, стягивает лямки по хрупким плечам вниз...

– Альберт, ты меня слышишь? – какой-то посторонний шум требовательно пробивается в мой мозг. – Я прощаю тебя, – звучит таким тоном, будто мне одолжение делают.

Все еще игнорирую ту, что усиленно тужится на другом конце линии, стараясь на меня повлиять. Потому что в настоящей реальности меня держит кое-что другое. Необъяснимо манящее. Не поддающееся здравому смыслу.

– Так, ладно, – нянька вновь забирает все мое внимание. Какая же она болтливая! Даже наедине с собой не затыкается.

А вот я теряю дар речи, когда она вновь грациозно прогибается в пояснице. Взгляд сам ложится на упругие ягодицы и нагло ласкает их, пока я нервно сглатываю. И мысленно даю себе по морде.

Черте что происходит!

Благо, девочка достает какую-то тряпку, накидывает на себя, прикрывая тело. Занавес опускается, шоу закончено. Некоторое время ничего не вижу вокруг. Кроме нее.

– Успею высушить, – хватает она платье и фен.

Опомнившись, я отступаю от дверного проема. Но взгляд оторвать от новенькой не могу. Ожесточаюсь, когда узнаю в бесформенном парашюте, что она на себя нацепила, мужскую футболку. Какая романтика – таскать с собой тряпье парня.

Тьху, на хрен!

Прежде чем уйти – я хватаюсь за ручку и с грохотом захлопываю дверь. Слышу испуганный вскрик изнутри комнаты, а затем – щелчок замка. Так-то лучше.

Пусть впредь запирается, мелкая дура. Тут полный дом мужиков из охраны. Мало ли кто мимо шастать будет, пока она своей попкой светит.

– Я приеду на днях, уговорил, милый, – неожиданно ластится Валерия. Напоминает о себе, а мне совершенно начихать. Все равно будет делать, как я говорю. К чему эти заигрывания?

– До встречи, – сухо отвечаю и отключаюсь.

Невольно вновь бросаю взгляд на комнату няньки. Упираюсь в закрытую мною же дверь, но фантазия сама дорисовывает, что я мог бы увидеть за ней. Мне и представлять сильно не надо – образ полуголой девочки все еще свежий и стоит перед глазами. Его хватает, чтобы я опять напрягся. Весь.

Это странно и непривычно, ведь ничего особенного в ней нет. Обычная, невзрачная, простая. Да и случайные интрижки с персоналом не для меня. Никогда подобным не грешил. Грязно и ниже моего достоинства. Совершенно не понимаю собственной реакции. И тяжелым шагом поднимаюсь к себе на второй этаж.

Дел по горло! Время на исходе! К черту новенькую. Мне нужно скорее схватить официальную жену.

Валерия

Откладывая фен на край раковины, обреченно выдыхаю. Руки дрожат от нервов, а пальцы сминают и без того пострадавшую дешевую ткань. Следы вишневого сока пусть слабо, но проступили после двух застирываний и сушки. С платьем придется попрощаться, хотя оно и так никогда мне не нравилось – Стася подарила, а мне неудобно было отказаться. Откидываю цветастую тряпку в корзину для белья.

– Бесплезно, – шепчу себе под нос и поднимаю взгляд на зеркало. В отражении на меня смотрит растрепанная, уставшая девчонка, которая потерялась, но всей душой не желает, чтобы ее находили. – Вот же влипла, – повторяю, наверное, в сотый раз за последние минуты.

Возвращаюсь в комнату, окидываю шикарные по моим меркам апартаменты взглядом, оборачиваюсь на дверь, ведущую в ванную, и усмехаюсь. Удобно все-таки, что все в одном месте! Похоже на номер в гостинице. Я бы с удовольствием здесь и дальше жила.

Однако бесплатный сыр в мышеловке, а должность с такими комфортными условиями не может обойтись без подвоха. В нашем случае их даже два! И если Аленка с ее несносным характером – это еще полбеда, то ОН... моя погибель.

– Мамочки, – падаю на просторную кровать, отодвигая покрывало, и зарываюсь лицом в подушки.

– Леся! – частый, но слабый стук в дверь заставляет меня вновь подскочить. – У нас занятия! – сразу узнаю капризный голосок Алены. Ее повелительные нотки раздражают меня до зубовного скрежета.

– Ты же не хотела? – отзываюсь я, а тем временем достаю из рюкзака простые домашние шортики. Коротковатые для того, чтобы щеголять в них по «королевскому замку», а именно так ставят себя обитатели этого дома. – Выбора у меня нет, – привычно произношу вслух.

Я иногда разговариваю сама с собой. Как шутит мама, приятно пообщаться с умным человеком. Но, если честно, я делаю это, когда жутко нервничаю. Пытаюсь таким образом себя успокоить, создав иллюзию, что я не одна и в

случает чего мне поможет «вторая Лера», более сильная, предприимчивая и бойкая, чем я.

– Мне все равно больше ничего нельзя, – признается она вдруг и открывает дверь, не дожидаясь моего разрешения. Впрочем, она здесь хозяйка. Не я. – Алик наказал меня.

– Алик? – вновь цепляюсь за непривычное сокращение имени. Еще на кухне отметила, что бандюгану Альберту оно совершенно не подходит! – А за что?

Натягиваю шорты и завязываю бесформенную футболку на груди, превращая в топ. Одергиваю, чтобы как можно меньше голого участка живота виднелось между узлом и поясом.

– За вишневый сок, – прищуривает глазки Аленка, будто я во всем виновата. Встречаю ее выпад предупреждающим взглядом. – Идем, – хватая мою ладонь.

– Не могу выйти в таком виде, – обвожу себя свободной рукой. – Мне нужно платье погладить и переодеться, – вовремя вспоминаю о фисташковом наряде, обликом чаем этим утром. И это тоже было связано с Альбертом! Что за день такой!

Размышляю, как попросить Стасю привезти мне другую одежду из общежития, а потом мысленно по лбу себя бью: ее Туманов видел! И сразу определит, если она приедет сюда. Хотя меня он не узнал.

Снова злюсь из-за этого. Неужели я такая невзрачная, серая, сливающаяся с толпой? Невидимка! Мошка, на которую не следует тратить драгоценную память.

– Неважно, – отмахивается Аленка и тянет меня за руку из комнаты. – Алика нет, а охрана у ворот.

– Точно нет? – переспрашиваю недоверчиво.

Я не слышала, чтобы хлопала входная дверь. Впрочем, в таком огромном особняке не то что звуки, а и люди потеряться могут! И бродить несколько дней

в поисках друг друга. Идеальное место, чтобы спрятаться. Было бы...

Жаль, что придется отсюда сбежать.

- Уехал, - кивает моя вредная подопечная, но на меня не смотрит.

Разве оставил бы Альберт сестренку без присмотра? Сам же меня переодеваться отправил и знал, что я занята и временно не могу следить за ней. Странно.

- Правда, что он аферистку какую-то ищет? - ведет плечиками Аленка, а у меня сердце замирает, сжимается и потом вдруг резко ухает вниз. - Объяснишь, кто это? - увлекает за собой в противоположную сторону от входа. - Хороший или плохой человек?

- Плохой, - сдавленно цежу.

С трудом наступаю на поврежденную ногу. На вид рана не опасная, и я просто промыла ее и залепила пластырем, но почему-то ощущаю режущую боль в стопе при каждом шаге.

- Я так и знала, - цокает Аленка языком. - Пусть Алик ее посадит! - выносит приговор. Без суда и следствия.

- Не надо, - попискиваю я. - А куда ты меня ведешь? - очнувшись, спохватываюсь я, когда мы оказываемся у черного входа.

Через стеклянные двери открывается манящий вид на бассейн. Как замороженная, опускаю ладонь на круглую ручку, поворачиваю ее - и, одумавшись, быстро одергиваю.

- Вот, - Алена вручает мне сборник сказок Андерсена. - У нас «Русалочка» в списке литературы на лето, - сама толкает дверь.

- Предлагаешь читать ее с полным погружением? - скептически указываю на бассейн. - Не думаю, что...

– Я поплаваю, а ты мне считаешь, – постановляет она. – Мне так легче запомнить, – толкает меня к деревянному лежаку. Но я не спешу садиться.

– Что же, ладно, – делаю вид, что поддаюсь. И ловлю победную улыбку. – Но слушай меня очень внимательно, потому что тебе придется пересказать сказку, – стараюсь смотреть на нее как можно строже, но готова рассмеяться, наблюдая, как вытягивается ее лицо. План отлынивания от учебы не сработал. – Если не сможешь, значит плохой метод чтения. И в следующий раз будет заниматься исключительно в комнате, – окончательно прогоняю игривое настроение Аленки.

Она хмурится, но соглашается. Скидывает сарафан, оставаясь в закрытом розовом купальнике, и берет надувной круг. Направляется к бассейну, спускается в прозрачную, чистую воду и устраивается так, чтобы держаться на плаву.

– Я готова, – дает мне отмашку.

Сажусь на край бассейна, свесив ноги. Погружаю стопы в чарующую прохладную лазурь, что отражается от плитки, которой он устлан внутри. Начинаю читать. С выражением и эмоциями.

– Леся, давай тожекупаешься? – неожиданно зовет меня Аленка. Хихикает и глаз один прикрывает. Заигрывает, словно пытается наладить отношения.

– Только для хозяев, – выдыхаю с тоской. Украдкой стираю влагу с шеи, но кожа и дальше варится под густыми волосами, покрываясь бисеринками пота. Надо было кудри в хвост собрать, но я не успела. И сейчас жарюсь под беспощадным солнцем, превращаясь в яичницу.

Я бы правда окунулась. Я хоть и плохо плаваю, но бассейн выглядит неглубоким, да и по бортику можно двигаться.

Но нет. Мне правила лучше не нарушать, чтобы не привлекать к себе лишнее внимание. Так будет проще покинуть дом при первом удобном случае.

– Не хочу, спасибо, – спорю я.

Продолжаю озвучивать грустную историю Русалки, как вдруг слышу резкий всплеск воды.

И когда я отрываю взгляд от книги и устремляю перед собой, то вижу лишь ровную гладь и одинокий круг на ней.

– Аленка? – панически взвизгнув, прыгаю в бассейн, совершенно не думая о последствиях.

Глава 11

С головой ухожу под воду. Быстро. Резко. Камнем на дно.

Здесь оказалось опаснее, чем я ожидала. Внезапный холод на глубине, окутывающий тело, создает контраст с горячим воздухом на поверхности. Парализует легкие и пронзает кожу мелкими иголками.

Касаюсь ногами дна, отталкиваюсь, чтобы вынырнуть, но пораненная нога невовремя дает о себе знать неприятной резью. Так еще и судорогой сводит.

На доли секунды выталкиваю себя из пресной воды, которая совершенно меня не держит, и хватаю ртом воздух. Тут же меня тянет вниз, а следующий вдох пускает в ноздри и горло порцию хлорированной жидкости. Какая гадость!

Я не уверена, что сама выберусь из бассейна живой и здоровой, а при этом ни на миг не забываю, зачем прыгнула. Собираюсь с духом и, неловко гребя руками, распахиваю глаза под водой. Осматриваюсь в поисках Аленки, но не нахожу никаких очертаний.

Двигаю свое непослушное тело к бортику, как мне кажется. Еще раз делаю рывок на поверхность, ловлю кислород вперемешку с водой и, закашлявшись, едва различаю испуганный голосок Аленки и какой-то всплеск. Подумав, что мне показалось в бреду, агрессивнее направляюсь дальше.

Никто меня не спасет, но я сама сдаваться не собираюсь. Если бы еще нога не подводила.

Зажмуриваюсь и яростно луплю воду всеми конечностями. Гребу по-собачьи, кролем, брассом. Да что только не делаю! Жить очень хочется! Надеюсь, что не сбилась с курса.

На секунду все-таки открываю глаза, которые щиплет от хлорки, и замечаю темный силуэт неподалеку. Пугаюсь, когда он стремительно оказывается рядом, заплывает за спину.

Грубый толчок под грудью – и рывок вверх. Лицо обдает жарким ветерком. Радуюсь, что мне наконец доступен свежий воздух, но почему-то не могу сделать вдох.

То ли рука на ребрах слишком давит, то ли тело позади меня, в которое я впечатана, чересчур прижимается, то ли грубый голос, смешанный с горячим дыханием, лишает меня чувств.

– Жива? – обдает ухо огнем. И вода вокруг словно закипает от пожара внутри меня.

О нет! Верните меня на дно и оставьте там. Все лучше и безопаснее, чем оказаться в лапах морского чудовища. Ведь я узнаю его незамедлительно, несмотря на полубморочное состояние.

Хочу откашляться, но выдаю лишь сдавленный хрип. Мозг постепенно отключается.

– Беда ходячая, – прорывается сквозь туман сознания.

Путаюсь в мокрой, тяжелой футболке. Морщусь, когда она слетает с меня через голову. Чувствую лопатками шероховатое дерево. Пытаюсь приоткрыть глаза и посмотреть, что происходит, но мешает гадкая резь от хлорки и прямые солнечные лучи, жалящие лицо.

Постанываю недовольно, пытаюсь возмутиться, перевернуться, но силы покидают меня.

Горячие ладони ложатся на грудь, согревают приятно, а потом впечатываются резко, выбивая воздух из легких. Заставляют меня закашляться. Однако слабо, хрипло. В горле вода будто стоит, перекрывает дыхание.

Властные, жесткие губы накрывают мой рот как раз в тот момент, как я пытаюсь возмутиться. Ошеломленно распахиваю глаза.

Сначала все вокруг плывет, но с каждым живительным вдохом, что наполняет всю меня, мне становится легче. К знакомому вкусу на губах присоединяется запах мужского одеколona, что проникает в нос. Зрение фокусируется. Смутные черты соединяются в целостный образ. И он сражает меня наповал.

– Очнулась? – слышится словно сквозь вакуум, а голос обеспокоен.

Лицо отстраняется от моего, но чужие ладони продолжают покоиться в области моей груди, будто приклеились и стали частью меня.

– Не лапай и не целуй меня, извращенец старый! – шиплю, как проколота на полном ходу шина.

Воспламенюсь сейчас. Взорвусь! И отнюдь не от того, что мне противно. Наоборот...

Но это ведь Альберт! Почему он няньку трогает?

Несвободный мужчина, между прочим. Женат.

На мне...

– Почему «старый»? – хмурится Альберт, будто припоминает что-то. Цепляется за это определение, проигнорировав «извращенца».

«Для своего возраста вы неплохо сохранились», – звенит в голове моя же фраза, выпаленная в ЗАГСе. Мне бы следовало научиться молчать в наиболее острые

моменты.

- Аленка! - кричу испуганно прямо ему в лицо.

И вскакиваю так, что мы чуть не сталкиваемся лбами. Если бы Альберт не успел увернуться и схватить меня за плечи, точно бы сейчас я звездочки перед глазами рассматривала.

- Она... Аленка... В бассейне, - указываю пальцем на воду, опускаю на круг, который мирно себе лежит на площадке.

А рядом... Алена! В полном порядке. Сидит на стульчике у бассейна, подальше от меня, виновато понутив голову.

- Так ты не тонула? - удивленно произношу. Выдыхаю с обреченным стоном: опять она меня обманула.

Девочка молчит, и только маленькие плечики подрагивают. Главное, что она хорошо себя чувствует. И ничего непоправимого не произошло, вот тогда бы я себя точно не простила.

Порыв ветра бьет мне в лицо. Наотмашь. Как и поступок моей подопечной.

Ежусь от холода и только сейчас замечаю, что я не одета. Точнее, не совсем. Шортики на месте, а выше... Боковым зрением замечаю брошенную прямо на пол футболку - и испуганно прикрываюсь руками. На мне лифчик, и вроде бы не все так страшно. На пляже все загорают в купальниках.

Но при Альберте я краснею, превращаясь в вареного рака. Он хмыкает недоуменно, будто мне и скрывать-то нечего и зря я переживаю, а потом дает полотенце. Прижимаю к себе мягкую махру, спешу спрятаться, чтобы Туманов ни тела моего не видел, ни белья. Пусть все забудет!

А в чем я сегодня?..

Стремительно окрашиваюсь в цвет бордо.

Позорище. Точно пусть забудет!

– Ты на черта в воду прыгнула, если плавать не умеешь? – рычит Туманов на меня неожиданно яростно. Я вздрагиваю и плотнее кутаюсь в полотенце.

– Я умею плавать! – пытаюсь поспорить, но стискиваю губы, когда он цокает недоверчиво и брови сводит. – Но плохо, – признаюсь тише. – Аленка из круга выскользнула и в воду упала. Я думала, она тонет, и прыгнула за ней, – шмыгаю носом, опять ощущаю хлорку. – Фу! – выдыхаю.

Секундная заминка, внимательный взгляд черных глаз, пронзительный и сканирующий. Но потом Альберт отмахивается, будто отгоняет от себя неуместные мысли.

– И решила утонуть вместе с ней? – рявкает, но я не понимаю, почему он так злится. Вечно всем недоволен, грубиян! – С собой рисковала ради нее? А если бы Алена не позвала меня? – озвучивает, будто принять этот факт не может. Малышка надрывно всхлипывает. – Она на плавание ходит два раза в неделю. В графике это указано. И себя как рыбка в воде чувствует.

– Я не дочитала, там много всего. Только распорядок на сегодня посмотрела, – пожимаю плечами. – Так ты специально... – поворачиваюсь к малышке.

Наблюдаю, как быстро ее изумрудные глазки наполняются слезами. Крупные капли стекают по розовым щекам.

– Изв-вини-и, – ноет Алена. – Я хотела с тобой попла-ава-ть, – тянет нараспев так жалобно, что я готова разреветься с ней с унисон. Но ловлю напряженный взгляд Альберта и топлю эмоции в себе. – Я думала, ты отказалась, потому что тебе Алик не разрешает в бассейн, как остальной прислуге-е-е, – заключает огорченно.

– Так, прекратите обе, – гавкает Туманов так внезапно, что мы подскакиваем на месте одновременно.

Поднимается на ноги, рваными движениями расстегивает на себе пуговицы. Не успеваю пискнуть, как он стаскивает промокшую рубашку. Надо бы отвернуться

смущенно, но глаза сами округляются, «фотографируя» представшую картину.

Взор непослушно устремляется на загорелый торс, поблескивающий под солнечными лучами от влаги.

Альберт точно демон. Бессмертный! Иначе как объяснить, что он настолько шикарный в своем возрасте.

Сильными руками выжимает рубашку, а я глазею, как играют его мышцы. Пока он увлечен спасением одежды, я бесстыдно рассматриваю широкую грудь, мощный пресс, считаю кубики.

Распахиваю рот, не в силах больше сдерживать эмоции, но, спохватившись, подпираю подбородок ладошкой.

Опускаю голову, однако продолжаю украдкой изучать мужчину. Не каждый день живого Шварценеггера увидишь на расстоянии вытянутой руки. Хотя нет. Тот перекачан до предела, будто лопнет при одном неудачном движении. А муж мой... Золотая середина.

Идеален, как древнегреческий бог.

Дурочка, отвернись! Тебе еще с этой бронзовой статуей разводиться!

- Алик, разреши няне купаться в бассейне, пожа-алуйста, - просит Аленка. - Я ее плавать буду учить. Ну разреши!

- Нет, - отрезает коротко.

И все очарование мгновенно испаряется. Очнувшись от гипноза, осознаю, кто передо мной. Хозяин, богач, бандюган. Который относится ко мне пренебрежительно.

- Конечно, нечего грязной служанке делать в царской купели, - обиженно шепчу, принимая его ответ на свой счет. Брезгует он мною, и из-за этого почему-то горько становится.

- Ты что там бубнишь, утопленница? - злится на меня.

Опять сминает рубашку и скручивает так грубо, что ткань трещит. Иначе воспринимаю его силу и мощь. Ничего хорошего мне не сулят эти каменные мышцы, которые кажутся огромными булыжниками, когда напрягаются.

Ведь стоит Альберту заподозрить во мне свою сбежавшую жену, как... Щелк! Хрусь! И выжмет он меня точно так же, переломав все косточки.

- Молчу, - затихаю поспешно. Не хочу вступать в ссору с ним.

Вытряхнув несчастную рубашку, Альберт расправляет ее перед собой, закрывая мне вид на обнаженное тело. Вздох разочарования предательски вырывается из моей груди. Топлю его в кашле.

Тяжело вздыхает и Туманов. Скомкав убитый им же самим хлопок, небрежно бросает его на лежак, соседний с моим. И складывает руки на груди, отчего опять выделяются очертания мышц.

- Так. Ты, Аленка, будешь со мной до вечера. Никаких игр и мультиков в наказание за то, что чуть няньку не утопила, - отдает распоряжения сестре, а та лихорадочно кивает. И я вторю ей, хотя меня это не касается. - А ты... - переводит взгляд и, метнув его на мои голые ножки, скользит вверх. До коротких шортиков. Пока думает, что делать со мной, откровенно рассматривает. - Ты идешь в свою комнату! - приказывает мне, когда я прижимаю колени к груди и превращаюсь в комок, пытаюсь стать незаметной. - Приводишь себя в порядок, отдыхаешь и пытаешься не самоубиться до утра! - разговаривает так повелительно, будто я не старше Аленки! И такая же несмышленная.

- А утром что? - сглатываю нервно.

- Утром работать. Тебя никто не отпускает. Другой няни у нас нет, - выносит мне приговор.

Что же, посмотрим. Может, удастся смыться отсюда ночью. Кошусь на бассейн, где недавно чуть не утонула. Неудачное слово с моим-то «везеньем».

– Ну, я тогда побежала, – хихикаю на нервах и, судя по лицу Альберта, какие-то подозрения у него вызываю. Я же в панике сейчас веду себя, как на свадьбе. Непроизвольно получается!

Слетаю с деревянного лежака и спешу вернуться в дом, пока Туманов не излечился от амнезии и не узнал меня. Но иду не так быстро, как хотелось бы... Мычу от боли в стопе, прихрамываю. Мне хуже стало после "активного купания".

– Да что за черт! – ругается Туманов обреченно, и по моей спине проносится мелкая дрожь. – Тридцать три несчастья, – когда ко мне приближаются тяжелые шаги, я замираю на всякий случай. – Почему после тебя подтеки крови остаются, как от подстреленной лани? – летит мне в затылок.

– А? – оглядываюсь. Сначала тону в тягучей тьме недовольного взгляда, а потом смотрю туда, куда он указывает. На чистой плитке выделяются розовые следы. Как раз на протяжении того пути, по которому я шла. – Порезала ногу на кухне, – вздыхаю.

Альберт подает мне руку, а, когда я ее игнорирую, крепче стискивая полотенце на груди, он настойчиво берет меня за локоть. Все равно добивается своей цели.

– Вернись и сядь, – несмотря на фразу, лично сопровождает меня к лежаку. – Аленка, аптечку неси.

Малышка шустро бежит выполнять поручение, оставляя нас наедине.

– Мда, – Альберт садится на нижний край лежака, возле моих ног, и я инстинктивно подтягиваю их к себе. – Ты фильм «Невезучие» смотрела?

– Ага, мой любимый, – улыбаюсь. Я удивлена, что он знает подобные комедии. Думала, ему только боевики нравятся. Про бандитов, разумеется. – А вы на что намекаете? – хмурюсь, поймав на себе непривычно лукавый взгляд.

– Не намекаю, прямо говорю, – откашливается, берет мою ногу огромными руками, укладывает себе на колени. На миг теряю равновесие и порываюсь упереться руками в деревянный настил позади меня, однако вовремя спохватываюсь. За секунду до того, как полотенце слетит с моего тела, я ловлю

его за кончики и сжимаю на груди. Напрягаюсь так, что все мышцы огнем пекут, но не смею сопротивляться, пока Альберт надавливает пальцами на стопу, изучает рану. – Ты себе стекло под кожу загнала. Ты как ходила все это время?

Пожимаю плечами и растерянно губы кусаю. Черный взгляд ловит мой неловкий жест, фиксируется на губах – и тут же опускается на ногу.

Морщусь и дышу шумно, когда Альберт места вокруг пореза касается. Он тут же ослабляет хватку, будто боится причинить мне вред и сделать больно.

– Достать надо, – пугает меня неожиданным решением.

И как назло Аленка быстро возвращается с аптечкой. Услужливо Альберту ее передает, а сама на меня поглядывает со смесью вины и любопытства. Убедившись, что со мной все в порядке, она будто новую шалость придумывает. А вот мне совершенно не весело! Особенно, когда Туманов по ноге моей пальцами ведет, щекочет – и я вся покрываюсь гусиной кожей.

– Не-не, вы меня не трогайте, – отползти назад пытаюсь, но Альберт крепко держит. И не зря, иначе я бы от страха с лежака свалилась. – Я лучше к врачу завтра.

Заранее знаю, что обещание не выполню. Потому что мне необходимо будет очень быстро скрыться, а не по больницам бродить. Кажется, Альберт подозревает неладное и не отпускает мою ногу, когда я вновь пытаюсь высвободиться, но на этот раз аккуратно дергаю ее на себя.

– Хочешь, чтобы стопу разнесло к утру? – угрожает сурово. И я судорожно машу головой. В таком случае я далеко не убегу. На одной-то ноге! – Тогда терпи! – подумав, добавляет: – И глаза закрой, – свободной рукой содержимое аптечки перебирает.

Понимаю, что ни в коем случае не должна доверять ему, но... почему-то подчиняюсь. Изредка подглядываю из-под густых ресниц за тем, как он шаманит над моей ногой. И все-таки зажмуриваюсь, когда становится слишком больно. Но на смену рези приходит нестерпимый жар. Будто стопу мне подпалили.

– Мамочки, – срывается с губ, а Туманов хмыкает задумчиво. Я рассекречу себя, если и дальше буду забываться рядом с ним.

Вздрагиваю, охаю, но хватка на моей лодыжке лишь крепче становится.

– Тише, потерпи, – звучит почти ласковым голосом, и я не верю, что он может принадлежать хаму Альберту.

Становится легче, когда по ране проносится слабый ветерок. И сердце отказывается качать кровь, лишая меня кислорода. Это ведь не Альберт дует на рану, чтобы уменьшить жжение от антисептика? Как с маленькой девочкой со мной обращается! Нет, мне померещилось!

Когда я решаюсь распахнуть глаза, он невозмутимо клеит пластырь на место пореза.

– Свободна, – скользнув ладонью по ступне, отпускает меня.

Отворачивается, будто видеть меня не хочет, и поднимается на ноги, поправляя прилипшие брюки.

– Алик, она не дойдет в комнату. Она же невезучая, – провоцирует его Аленка. – Надо отнести! – вскрикивает, довольная своей идеей.

Опускаю ноги на плитку и порываюсь встать сама. Прежде чем Альберт приблизится ко мне. Но разве можно ускользнуть от хищника, который заметил бедного кролика с хромой лапкой?

– Это абсолютно лишнее! – протестую я, но он не слушает.

Подхватывает меня на руки, вбивает в свой стальной, горячий и покрытый капельками влаги торс. Замираю, но не смею дотронуться и тем более обнять его, хотя очень неудобно, пока он несет меня в дом. Держу руки перед собой, сжимая края полотенца в кулаки, будто обожгусь, если прикоснусь к загорелой коже.

Однако тело быстро немеет из-за скованной позы. Поморщившись от дискомфорта, слегка ерзаю в крепкой хватке. И Альберт подкидывает меня, чтобы взять поудобнее. На этот раз мне приходится вцепиться руками в его плечи, чтобы не упасть.

И моя «махровая защита» предает меня в самый ответственный момент. Соскользнув с груди, пытается позорно дезертировать. Но повисает промокшей тряпкой, зацепившись краем между моей спиной и каменной рукой Альберта. И я никак не могу достать и поправить полотенце, потому что сама вдруг каменею.

Я не в силах больше думать ни о чем другом кроме того, что я прижата к обнаженному бронзовому торсу. Тому самому, который разглядывала недавно. И я... полуголая! Лифчик не в счет! Из-за него конфуз только хуже становится. Дурацкий горошек прибавляет баллов к моему позору.

Чувствую каждый рельеф мышц, жар кожи, плотно прилегающей к моей, слышу стук сердца... двойной. Невольно стискиваю пальцы, впиваясь в бронзовое изваяние. Только не холодное, как мраморные статуи в музее, а обжигающее до острого покалывания.

Альберт ускоряет шаг. За пару мгновений достигает двери моей комнаты, толкает ее плечом, распахивая так резко, что ручка бьется об комод, который стоит за ней.

Но хозяину дома плевать. Он взглядом находит постель, приближается к ней нервно. И в этот момент мне кажется, что Альберт бросит меня на матрас, как нечто ненужное. Грубо и небрежно.

Но он, явно сделав над собой нечеловеческое усилие, укладывает меня аккуратно.

Как только горячее и твердое, как камень на пляже, тело отлипает от моего, я срываю покрывало с кровати – и прячусь под него, натягивая по самое горло.

Не обронив ни слова и не удостоив меня даже взглядом, Альберт разворачивается и покидает комнату, хлопнув дверью так сильно, что я содрогаюсь, покачиваясь на мягком, почти царском ложе.

Расстроено зыркаю на закрытую дверь, хмурюсь и губу поджимаю. Как же я противна этому богачу, подумать только! Наверняка он душ после меня поспешит принять. Чтобы смыть с себя все следы жалкой прислуги.

Что же, не повезло мне. Ни с женихом, что меня предал, ни с мужем, которого передергивает от одного моего вида. Уйду в монастырь!

Но сначала от штампа в паспорте избавлюсь.

Обреченно прячу голову под подушку, но сквозь перья и пух прорываются голоса, доносящиеся из холла. Меня не должно беспокоить, о чем говорят мои хозяева, но я решаю проверить, не обсуждают ли они меня. Отбросив постельное, смахиваю непослушные кудряшки с лица, пытаюсь пригладить их, и приподнимаюсь на локтях.

– Ты понимаешь, что няня пострадала из-за твоих игр, Алена? – тихо, но строго отчитывает ее Альберт.

– Я не буду больше делать так, – лепечет малышка.

Так? Значит, продолжит шалить, но просто иначе?

И все-таки мне хочется верить, что она действительно раскаивается. И не презирает меня, как ее грубый брат.

Хотя неважно. Завтра меня не будет в этом доме!

– Аленушка, давай сегодня без сюрпризов. У меня были тяжелые сутки, – смягчается он.

Как же! Тяжело искать случайную жену, чтобы потом «покончить с этим браком». Повторяю и кривлю его слова, брошенные недавно в трубку. И невольно вспоминаю, как мило он уснул в машине утром. Под моими окнами. Действительно утомился.

Это могло бы выглядеть романтично, если бы на его месте оказался мой настоящий муж. Но в нашей ситуации это опасно и жутко!

– Хорошо, Алик, – послушно отзывается малышка.

Будто они нормальная семья, а не дьяволенок в юбке и бандюган-извращенец.

Шаги отдаляются, а я откидываюсь на подушки устало. Надо бы продумать план побега, но вместо этого я отключаюсь.

Глава 12

Валерия

– Тише, потерпи, – звучит ласковым голосом, и я не верю, что он может принадлежать хаму Альберту.

Легкий ветерок, что обдувал ступню и будоражил фантазию, превращается в нечто более осязаемое. Вздрагиваю от прикосновения теплых губ. Нежные поцелуи поднимаются по лодыжке, обводят острую коленку. Становятся смелее, наглее. Жалят кожу на внутренней стороне бедра, пока жесткие ладони крепко обхватывают ногу.

Делаю слабую попытку сопротивления, но тело не слушается. Заклинив, как сломанный робот, я не могу противостоять настойчивому мужчине. Прекращаю дышать, когда чувствую влажные поцелуи на животе. Едва сознание не теряю от волнения, а они поднимаются все выше, пока не останавливаются на ложбинке груди.

Руки перемещаются на чашечки лифа. Самого жуткого в моем гардеробе. В дурацкий горошек и без каких-либо украшений. Будто я у бабушки его стащила.

И это все, о чем я могу думать в такой откровенный момент.

Даже когда ладони жадно сжимают грудь. Выбивают тихий стон. Ползут за спину, а пальцы ложатся на застежку лифчика. Тянут грубо. Рвут. Ломают.

Так его! Снять и выбросить. Сжечь!

Чтобы больше не позорил меня перед... мужем?

Помогите, нам же разводиться!

Почему тогда требовательные мужские губы так упорно ищут мои, накрывают и завоевывают. Почему я открываю ротик навстречу, терплю пошлый язык, блуждающий внутри. Да я Павлику ничего подобного не позволяла! Слюняво и противно!

Фу!

Но не сейчас. Мне холодно и жарко одновременно. Я таю и мерзну. Умираю и возрождаюсь из пены морской.

Упираюсь руками в мощный торс, чтобы потрогать это произведение искусства. Но вместо кубиков пресса ощущаю что-то мягкое под ладонями. Толкаю, хочу рассмотреть, что не так, но проваливаюсь...

В перьевую подушку? Не в силах держать себя, падаю в нее лицом.

Промычав что-то нечленораздельное спросонья, приподнимаюсь на локтях нехотя и оглядываюсь по сторонам. Изучаю комнату, но не узнаю обстановку.

– Стася, ты где? – зову хрипло. В горле пересохло так, будто я и правда целовалась всю ночь.

С Альбертом?

Приснится же такое! Давно меня кошмары не мучили!

Да, плохой сон. Очень! От хорошего не должно так гореть внизу живота. Не должно тело быть таким ватным. А кожа не должна покалывать, словно ее касались в реальности.

Медленно восстанавливаю в голове события последнего дня. И округляю глаза, всматриваясь в сумрак.

- Да что я дрыхну! - подскакиваю испуганно. - Собираться надо.

Бросаю сонный взгляд в окно. Но тьма, звездное небо и полумесяц не могут подсказать мне, который час.

- Время попасться в лапы бандюгану! - ругаю сама себя. - Если немедленно не ускользну из заточения.

Делаю рывок вбок, чтобы спустить ноги с матраса, - и, оказавшись внезапно на самом краю постели, лечу на пол. Машинально пытаюсь схватиться хоть за что-то, но успеваю зацепить лишь лампу. Вырываю ее вместе с вилкой и, кажется, розеткой. Падаем «вдвоем». И я не уверена, кто из нас издает больше грохота.

- Тш-ш-ш! - шикаю на разбитую лампу. И понимаю, какая же я идиотка.

Сгребаю ее остатки под кровать. Встав, ногой деревянную основу толкаю, чтобы утром внимания не привлекала.

Основной свет включать не собираюсь. Да и пока найду, где, точно убьюсь.

Наощупь ищу свой рюкзак, запикиваю туда скромные наряды, что превратятся в лохмотья, если я еще хоть один час лишней проведу в этом доме. На себя натягиваю мятое фисташковое платье. Не желаю думать даже, на что оно похоже. Но хотя бы высохло после вчерашнего завтрака у Стаси.

Подумав, ищу во внутреннем кармане паспорт, проверяю, чтобы на месте был.

Слышу шаги за дверью. Дергаю за собачку замка, тяну порывисто. И молния расходится.

- Меня прокляли! Порчу навели! - хнычу себе под нос.

Дверь моей комнаты медленно открывается, впуская полоску света, которая падает четко на меня. Застывшую с рюкзаком в руках.

Точно прокляли!

– Леся, а ты что шумишь? – полусонный детский голосок пугает меня сильнее воя целой волчьей стаи. Звери хотя бы загрызут сразу, а здесь я буду мучиться долго и нудно.

Поворачиваю голову на звук и выжимаю из себя кривую улыбку.

– Аленка, а ты чего не спишь? – вместо слов из горла вырываются панические вибрации.

– Пить хочу. Налей? – признается тихо и мило, как ангелочек. Но я-то знаю, что у нее хвост в пижамных штанах, копыта в тапочках и рожки под волосами! – И есть, если честно, тоже, – сглатывает она, а у меня предательски в желудке урчать начинает. Я готова проглотить слона сейчас! Целый день вчера ни крошки во рту.

– Хорошо, сейчас я... – приподнимаюсь, оставляя расстегнутый рюкзак на стуле.

В этот момент Аленка зачем-то включает свет, и я жмурюсь от яркой вспышки.

– Ты что, уезжаешь? – звонко вопит малышка.

Побег не удался? И все-таки надо мне к бабке, чтобы порчу сняла!

– Тише, – шикнув на Аленку, подбегаю к ней и накрываю вредный ротик ладонью.

Осматриваю холл настороженно, как преступник. Не заметив никого, сгребаю малышку в охапку и, игнорируя ее возмущенное мычание, затаскиваю в комнату. Толкаю дверь бедром, а только потом девочку отпускаю.

– Ты чего это? – хлопает она длинными, пушистыми ресницами и назад пятится.

Беру ее за плечи и, присев напротив, ближе к себе притягиваю.

– Я никуда не уезжаю, – даю установку, будто загипнотизировать хочу, при этом прямо в глаза ей смотрю. Пытаюсь лгать правдоподобно, но Аленка сомневается. Носик морщит и смотрит на меня с прищуром. – С чего ты взяла подобную глупость? – непринужденно усмехаюсь, а сама руку за спину прячу и пальцы крестиком складываю.

Это ложь во спасение! Спасение меня несчастной. Аленушка оказалась не такой милой, как образ на моей любимой шоколадке. Сложно сказать, от кого опасность большая исходит: от ее брата-бандюгана, или от... нее самой.

Бежать от обоих!

– Ты вещи вон собрала, – пальчиком на рюкзак показывает. – Это же из-за меня? – в глазах загораются искорки вины и страха. Но всего лишь на секунду. – Алик тебя никуда не отпустит! – с угрозой выпаливает маленькая бандитка.

Она будто насквозь меня видит и знает, на что давить. Ведь ситуация именно так и складывается. Не отпустит меня Туманов. А когда штамп, связывающий нас, увидит, то вообще за решетку посадит.

– Я просто порядок наводила, – пожимаю плечами расслабленно, хотя внутри все в тугой морской узел завязывается.

– Ты в платье, – малышка сканирует меня с головы до ног.

– Так у меня вся одежда пострадала сегодня! – укоризненно произношу. – Мне даже спать не в чем.

Насчет последнего – я лгу. Ночнушка где-то лежит на дне рюкзака. Но дело до нее не дошло – так я и уснула в мокром белье. Хорошо, летняя жара через открытое окно проникла и всю меня высушила. Иначе я бы еще и заболела.

Чихаю внезапно, будто организм насмехается надо мной!

– Новая одежда нужна? – девочка пальчиком подбородок подпирает. – Алик купит, я ему скажу, – находит решение мгновенно, но я отрицательно головой качаю. – Остаешься? Пожалуйста, – губки надувает.

Аленка выглядит искренней при этом. И расстроенной. Неужели правда переживает и не хочет со мной расставаться?

Почти сдаюсь, ощущая тепло в груди и зарождающуюся привязанность к чужому ребенку, но вдруг перед глазами возникает образ Альберта. Как черт из табакерки. И все портит!

Нет, оставаться никак нельзя.

Бедная малышка. Опять одна останется. Или с какой-нибудь няней, которой охранники интереснее, чем подопечная!

– Я никуда не уезжаю, – повторяю вновь. И ненавижу себя за то, что лгу ребенку.

Пару минут мы обе молчим. Аленка изучает мое лицо, а я мысленно прощаюсь с ней. Неоднозначные чувства в моей душе устроили войну. Одна часть меня хочет остаться и попробовать перевоспитать подопечную. Помочь ей, ведь неспроста она такая колючка. Но другая – боится мужа. И страх перевешивает.

– Так кушать мне сделаешь? – расплывается малышка в сладкой улыбке. Чересчур приторной.

И почему-то ее лицо становится хитрым, а в зеленых глазах чертики пляшут.

– Хм, – хмурюсь я, до конца не доверяя мелкой пакостнице. А она опять на рюкзак мой косится, шаг к нему делает. – Да, конечно, Рапунцель! – не выдержав, касаюсь ее волнистых волос, а Аленка впервые не сопротивляется и не спорит. Подозрительно. – Ты что будешь?

– Сырники, – поразмыслив, делает она «заказ».

В три часа ночи? Сырники? Неожиданно...

Специально сложную задачу мне выбрала? Со звездочкой? Не на ту нарвалась!

– М-м-м, тогда ты по адресу, – щелкаю ее по носику. – Сделаю тебе по нашему семейному рецепту. Идем.

Подаю ей руку, но как только мы выходим в холл, Аленка забирает свою ладонь, разворачивается – и направляется в детскую. В очередной раз сокрушаюсь, что она находится по соседству с моей комнатой. Прощмыгнуть мимо незамеченной будет сложно.

– Я отдохну немного, – зеваает на ходу. – Чуть-чуть.

– Я думала, ты наверху будешь ночевать, – указываю на лестницу с надеждой. – С Альбертом... Ильичом, – вовремя исправляюсь.

– Не, Алик храпит, – невозмутимо выдает Аленка, только опять в глаза мне не смотрит.

Едва сдерживаю разочарованный вздох. Муж года! Еще и храпит!

Хотя почему это должно меня беспокоить? Я же спать с ним не собираюсь.

Непроизвольно вспоминаю недавний откровенный сон – и тело вспыхивает, а жар стремительно растекается по венам.

– Позовешь, когда еда будет готова? – не дожидаясь ответа, Аленка закрывается у себя.

– Вот мелкая заноза, – бурчу тихо и руки на груди недовольно складываю.

Все-таки она относится ко мне как к прислуге. Если бы я не планировала сбежать, то убедила бы Аленку мне помочь. Приучила бы надменную принцессу к труду. А так... ее несносный характер меня не касается!

Выполню последнее задание в доме Тумановых – и все.

С этой мыслью крадусь на кухню. Отвлекаюсь от раздирающих душу мыслей – и остатки энергии направляю на приготовление сырников.

Глава 13

В холодильнике удастся найти почти все необходимое. На одной из полок в шкафчике беру недостающий ингредиент – изюм. И даже больше!

– Сушеная клюква, – узнаю любимую ягоду. Бросаю одну в рот, чтобы точно не ошибиться.

Киваю сама себе – и принимаюсь замешивать тесто. Минут через десять на сковороде жарятся пышные сырники. Переворачиваю их подрумяненной стороной вверх, слежу, чтобы не подгорели.

– Отлично, – вдыхаю аромат творога, ванили. И в животе бурчит еще требовательнее. – Сначала Аленке отнесу! – отмахиваюсь от страданий собственного организма.

Выкладываю сырники на тарелку, рисую на каждом глазки и улыбку сгущенкой так, что получаются милые рожицы. И вместе со стаканом молока несусь лакомство моей маленькой мучительнице.

– Рапунцель? – шепчу, заглядывая в детскую. И тут же осекаюсь.

Аленка мирно спит в своей кровати. Любуюсь ею, такой очаровательной и спокойной. Не верится, что это из-за нее я порезалась и чуть не утонула недавно.

Совершенно другой ребенок.

Настолько приятный, что я на цыпочках подхожу ближе, невесомо целую в лобик. И, оставив сырники на тумбочке, выскальзываю из комнаты.

В холле останавливаюсь. Здравый смысл и обостренное чувство опасности требуют вернуться к себе и завершить подготовку к побегу. А голод зовет на кухню, откуда по всему первому этажу распространяются вкусные запахи.

С другой стороны, мне силы нужно восстановить. Я пострадала вчера, а впереди – неизвестность.

Оправдав себя таким странным образом, все-таки выбираю кухню.

Устраиваюсь за столом, ставлю перед собой блюдо с оставшимися сырниками. Беру один, дую, чтобы не обжечься, и с удовольствием откусываю большой кусок.

– Есть после шести вредно для фигуры, – звучит негромко и хриловато.

подавившись крошкой творога, закашливаюсь. Да так надрывно, что слезы на глазах наворачиваются.

Быть женой Туманова вредно, черт возьми! Для здоровья противопоказано!

– Ну, что за девочка, – сокрушается Альберт. Думает, что под нос себе бубнит, но я сквозь кашель его слова различаю. Ловлю небрежно брошенное, но по-своему теплое обращение, беспокойные нотки в грубом голосе – и давлюсь с новой силой.

Звон стекла за спиной, плеск воды, тяжелые шаги – и на стол передо мной опускается стакан, а Туманов садится рядом. Двигает стул ближе, разворачивается вполборота и, чуть ли не обняв меня, легонько по спине похлопывает. Хочу сказать ему ехидно, что «поглаживаниями» поперхнувшегося человека точно не спасти, но ком все еще стоит в горле.

Дрожащей рукой стакан беру, подношу к губам. И замираю, потому что все мое внимание вдруг концентрируется на жесткой ладони, что ползет вдоль позвоночника вверх, пересекает границы выреза платья, ложится на оголенную кожу и, отбросив кудряшки, останавливается на шее. Сжимает, согревает, пронзает миллиардами импульсов.

Доктор из Туманова отвратительный. То целует меня под видом искусственного дыхания, то гладит, пользуясь моментом. При живой-то жене! Пока живой... Если так пойдет и дальше, то сам же сделает себя вдовцом.

Натягиваюсь, как струна, затаив дыхание. И эта пауза каким-то образом помогает мне перевести дух. Тяжело и судорожно сглатываю, ощущая неприятную резь в гортани. Пью воду, потому что рядом с Альбертом каждый раз во рту пересыхает, и незаметно смахиваю проступившие слезы.

– Я успею до шести... – сипло произношу. – До шести утра времени много, – поднимаю заплаканный, но при этом дерзкий взгляд на хозяина дома, но не ожидаю, что наши лица окажутся так близко.

Черная бездна стремительно поглощает меня, но бархатный смех выводит из забытья. Туманов надо мной потешается?

Толкаю его в грудь, чтобы отстранился, неосознанно задерживаюсь на твердых мышцах, очертания которых прощупываются через хлопковую ткань рубашки. Хорошо, что не с голым торсом рассекает опять! Но даже от этого невинного прикосновения я теряюсь. Альберт наоборот напрягается, отчего его мускулы превращаются в камни.

Одергиваю руки, будто обожглась, и сама отстраняюсь, отъезжая на стуле назад. Взглядом показываю Туманову на место напротив.

– Что? – непонимающе изгибает он бровь.

– Там сядьте, – пальцем тычу. – Подальше от меня, – по глупости уточняю, отчего Альберт хмурится. Из-за нервного тремора моя фраза звучит как приказ. И, конечно же, такое поведение удивляет и возмущает хозяина.

– Это мой дом, и я сижу, где хочу, – со сталью чеканит в ответ.

– Как скажете, – поднимаюсь, чтобы самой переместиться. Или вовсе покинуть кухню, опять голодной. С тоской бросаю прощальный взгляд на манящие сырники, покрытые румяной корочкой. Собрав волю в кулак, намереваюсь уйти.

Но тяжелая рука ложится на мое плечо и припечатывает меня обратно к стулу. Следом Альберт встает и, все-таки вняв моей просьбе, размещается напротив. Нас разделяет обеденный стол, однако даже на расстоянии Тумановская энергетика бьет меня мощными волнами.

Как едой наслаждаться в таких условиях? Если чувствуешь себя приговоренной к казни, а перед тобой – последний ужин. Вроде бы и хочется съесть его как можно скорее и насытиться, а с другой стороны – лучше отсрочить момент смерти.

– Сама приготовила? – Альберт протягивает руку к тарелке и, после того как я киваю, берет сырник.

Кусает неуверенно, будто отравиться боится, а потом съедает его целиком. Проглатывает, не пережевывая. Как питон свою жертву. Вот и меня так же заглотит, не поморщится.

– Неплохо, – бесстрастно дает оценку.

Неплохо?

Погружаю в рот кусочек, на этот раз аккуратнее. Пробую. Зернистость творога, запах ванили, сладость сгущенки и кислинка клюквы...

Вкусно же!

Или я от голода преувеличиваю свои кулинарные способности? Да нет! Стасе нравилось всегда, как я готовлю. Павлику, кажется, тоже. Хотя... он чаще в кафе меня водил. Божечки! А не потому ли, что не хотел лишней раз стряпню мою пробовать и при этом обидеть боялся правдой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lesnevskaya_veronika/sbezhavshaya-zhena-bossa-razvoda-ne-budet

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)